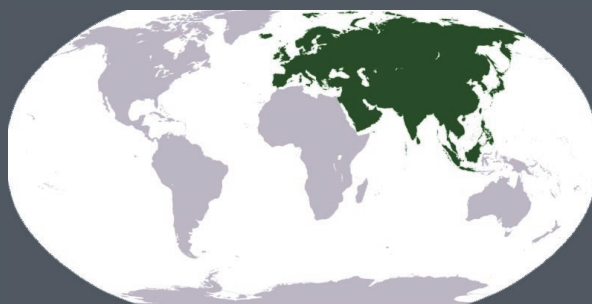

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРАЗИИ

Сборник статей

ГЕОПОЛИТИКА
И СТРАТЕГИИ
ЦЕНТРА

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОЕКТЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА
В ЕВРАЗИИ**

Сборник статей

Вильнюс 2012

УДК 32(470+571)
Пе27

ISBN 978-609-95423-1-7

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Введение.....	7
<i>Андрей Рябов (Россия)</i> . Проблемы коллективной безопасности на постсоветском пространстве после российско-грузинской войны августа 2008 года.....	8-20
<i>Эльмира Ногойбаева (Кыргызстан)</i> . Центральная Азия: частности без общего.....	21-30
<i>Вадим Воловой (Литва)</i> . Экономика и география: интеграция по необходимости.....	31-45
<i>Алексей Гарань (Украина)</i> . География и экономика: интеграция как выбор.....	46-62
<i>Григорий Амнуэль (Россия)</i> . Гуманитарные проблемы на постсоветском пространстве: их истоки и возможности преодоления.....	63-73

Введение

Предлагаемый читателю сборник подготовлен по материалам Международной конференции «Перспективы и проекты сотрудничества в Евразии», организованной литовским Центром Геополитических Исследований и Московским Центром Карнеги, которая состоялась в Вильнюсе в феврале 2009 года. В центре внимания участников конференции находились изменения, начавшиеся на постсоветском пространстве после Августовской войны 2008 года между Россией и Грузией и в ходе глобального финансово-экономического кризиса. Эти изменения затронули практически все сферы межгосударственных отношений – политику, экономику, систему безопасности, гуманитарные проблемы. Они оказывали сильное влияние на уже сложившиеся реалии в этом регионе мира и одновременно придавали импульс новым тенденциям и процессам, как в отдельных странах, так и во взаимоотношениях между ними. Авторы статей, представляющие разные страны, попытались предложить свое видение лишь некоторых, наиболее существенных, по их мнению, вопросов, обсуждавшихся на конференции. Но при этом они не ограничиваются лишь обращениями к материалам дискуссий, происходивших в Вильнюсе. В своих работах авторы сборника активно используют факты и события, состоявшиеся уже после конференции. Сформулированные в результате их анализа выводы и заключения позволяют таким образом дополнить и расширить результаты Вильнюсской конференции. Очевидно, что на высказанные в сборнике мнения не могли не оказать влияния страновые различия, географические точки, из которых авторы исследуют процессы, протекающие на постсоветском пространстве. Возможно, такие «оптические» различия помогут лучше реализовать главную цель сборника – предложить читателю многомерное видение имеющихся здесь тенденций в их сложности и противоречивости. Издание было поддержано Программой Восток-Восток: партнерство за пределами границ Фондов Открытого Общества.

Андрей Рябов
(Россия)

Проблемы коллективной безопасности на постсоветском пространстве после российско-грузинской войны августа 2008 года

Российско-грузинская война в августе 2008 года стала серьезным вызовом безопасности для государств, расположенных на постсоветском пространстве. Она продемонстрировала как отсутствие надежных механизмов предотвращения межгосударственных вооруженных конфликтов в этом регионе мира, так и инструментов их урегулирования. Августовская война поставила постсоветские государства перед сложным выбором в сфере безопасности: либо пытаться обеспечить ее с помощью глобальных и региональных акторов, находящихся за пределами постсоветского пространства, что неизбежно приведет к осложнению отношений с Москвой; или же искать достижения договоренностей с Россией, сохраняющей военно-политическое доминирование на территории бывшего Советского Союза. При этом вызовы безопасности после «пятидневной» войны неодинаково воспринимались в различных субрегионах постсоветского пространства. Острее они чувствовались на Южном Кавказе, обремененном сразу несколькими межгосударственными и межэтническими конфликтами, где механизмы безопасности оказались разрушенными, а возможности их воссоздания даже не просматривались. В отличие от Южного Кавказа у государств Центральной Азии, Украины и Молдовы оставались более широкие возможности для маневрирования в деле обеспечения своей безопасности.

Вместе с тем, влияние «пятидневной» войны на состояние международных отношений на постсоветском пространстве нельзя рассматривать изолированно, вне контекста важнейших глобальных и региональных событий последующих лет. Так, начавшийся в сентябре 2008 года мировой финансово-экономический кризис, существенно ограничил внешнеполитические ресурсы глобальных игроков – США и Европейского Союза, политически активных на постсоветском пространстве, заставив их сконцентрировать внимание на других регионах и проблемах. Для США в первую очередь это были страны Ближнего Востока, которые являются критически значимыми для обеспечения глобальной безопасности и национальных интересов Америки. Из-за тяжелейшего долгового кризиса Евросоюз вынужден был сосредоточиться на внутренних проблемах.

Одновременно мировой кризис заметно ухудшил социально-экономическое положение постсоветских государств. Вследствие этого во многих из них выросла общественно-политическая напряженность. При сокращении возможностей получения западной помощи, роль России как важнейшего донора и гаранта сохранения существующих политических порядков в этих странах снова усиливалась. Приход к власти в США в ноябре 2008 года новой администрации во главе с президентом Б.Обамой, начатая по ее инициативе политика «перезагрузки» отношений с Россией также оказала серьезное влияние на ситуацию на постсоветском пространстве. Она привела к снижению российско-американского соперничества, достигшего пика в период августовской войны, и объективно способствовала расширению возможностей России для более активной игры в данном регионе. Наконец, начавшиеся в январе 2011 года масштабные политические перемены в странах Арабского Востока, вектор и глубина которых до сих пор остаются в значительной мере неясными, могут привести к серьезным изменениям в политике США и их западных союзников. Как считают некоторые аналитики, ценность сохранения и укрепления status quo на постсоветском пространстве для них значительно усилится, поскольку это позволит ограничить неконтролируемый рост неопределенности в мире.

С учетом отмеченных факторов в настоящем материале и предпринята попытка оценить перспективы коллективной безопасности на постсоветском пространстве после российско-грузинской войны августа 2008 года.

Главным вызовом безопасности на постсоветском пространстве по итогам российско-грузинской войны стал прецедент изменения международно-признанных границ одного из государств - Грузии. Хотя Тбилиси уже давно не контролировал Абхазию и Южную Осетию, признание их независимости Россией, страной, являющейся

постоянным членом Совета Безопасности, создало принципиально новую ситуацию на постсоветском пространстве. В сознании правящих элит расположенных здесь государств это означало, что с помощью силы возможно возникновение ситуации, когда часть территории страны, над которой фактически утрачен контроль центрального правительства, может быть юридически признана независимой властями соседнего государства. Тот факт, что попытки западных стран убедить Россию вернуться к плану Медведева - Саркози, исходившему из сохранения территориальной целостности Грузии в официально признанных мировым сообществом границах, оказались безуспешными, указывал на то, что существующие международные институты и механизмы неэффективны для решения задач восстановления территориальной целостности государств. В таких условиях новый пост-военный порядок, который возник на Южном Кавказе после августовской войны, установивший не только иные границы, но и другую военно-политическую роль отпавших территорий, может стать устойчивым и долгосрочным. Новые реалии явились серьезным вызовом для правящих кругов постсоветских государств, поскольку подавляющее большинство из них сталкивается с проблемами сепаратизма на своей территории, находящегося как в активной фазе, так и латентного, потенциального. И правящие режимы мысленно стали примерять «грузинский случай» к своим собственным государствам. Именно поэтому, как и абсолютное большинство стран мира, постсоветские государства, включая ближайших союзников и партнеров России по таким международным объединениям, как Организация Договора по Коллективной Безопасности (ОДКБ) и Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), отказались признавать независимость Абхазии и Южной Осетии. Но в то же время это размежевание с Москвой по вопросу о признании независимости Абхазии и Южной Осетии не стало для большинства постсоветских государств сигналом к разрыву или ослаблению сотрудничества с Россией в сфере безопасности. Тому было несколько причин. Во-первых, попытки послевоенного урегулирования ситуации вокруг Грузии показали, что рассчитывать на помощь США и их союзников в восстановлении территориальной целостности в случае вооруженного конфликта одного из постсоветских государств с Россией не приходится. Во-вторых, в политических кругах стран Центральной Азии и после войны продолжало доминировать мнение, что не стоит преувеличивать военно-политическую мощь России; у нее едва ли хватит ресурсов для вмешательства в возможные межгосударственные конфликты в этом субрегионе. В-третьих, в то же время, после войны с Грузией правящие элиты некоторых постсоветских государств, имеющие основания беспокоиться за

устойчивость своего внутривнутриполитического положения, пришли к выводу, что, сохраняя сотрудничество с Россией в области безопасности, в случае необходимости можно попытаться опереться на ее военные возможности для сохранения собственной власти. Подобные установки отчетливо проявились в Кыргызстане в ходе глубокого политического кризиса в этой стране весной – в начале лета 2010 года, в конечном итоге приведшего к свержению президента К.Бакиева. В начале кризиса сам К.Бакиев просил Россию ввести войска в Кыргызстан для стабилизации ситуации. Но у Москвы не было планов спасти К.Бакиева. После его свержения, однако, возникла реальная опасность сползания этой страны к гражданской войне и кровавому межэтническому конфликту. В такой обстановке временный президент Кыргызстана Р.Отунбаева в июне 2010 года обратилось к России с просьбой о введении войск. Но и эта просьба не была удовлетворена.

После августовской войны важнейшим условием сохранения сотрудничества постсоветских государств с Россией в сфере безопасности должно было стать отсутствие у Москвы намерений к дальнейшему изменению международного порядка на территории бывшего СССР. Дело в том, что по завершении войны у многих наблюдателей в мире возникли предположения, что отныне Россия на международной арене предпочтет действовать как ревизионистская держава. Однако в Москве вскоре четко дали понять, что для этого у Российской Федерации нет ни желания, ни ресурсов. Объективно сохранение у власти правящих режимов в постсоветских государствах, по своей социальной и политической природе близких к российскому, отвечало стратегическим целям властной элиты России. Эта линия является одним из фундаментальных принципов российской внешней политики в отношении постсоветских государств. Кстати, одна из причин, почему у руководства России с самого начала не заладились отношения с президентом Грузии М.Саакашвили, состояла в том, что он позиционировал себя как лидер, стремящийся порвать с постсоветской политической традицией, и придать своей стране отчетливый прозападный вектор развития. Конечно, этот фактор не исчерпывал всех причин российско-грузинского военного конфликта, но сыграл определенную роль в его предыстории.

Стремление России сохранить за собой статус державы *status quo* на постсоветском пространстве ярко проявилось и в ее поведении по отношению к конфликту в Нагорном Карабахе. В этом случае Россия была глубоко заинтересована в том, чтобы сохранить конструктивные отношения, как с Арменией, так и с Азербайджаном. Армения, активно поддерживающая непризнанную республику в Нагорном Карабахе, является единственным военно-политическим союзником России на Южном Кавказе, а Азербайджан – важнейшим

партнером в субрегионе в таких сферах, как добыча, торговля и транспортировка нефти и газа. В случае возникновения новой войны между Арменией и Азербайджаном из-за контроля над Нагорным Карабахом влияние России в обеих этих странах, да и на Южном Кавказе в целом может оказаться подорванным. Поэтому, Россия уже несколько месяцев спустя после окончания войны с Грузией стала активно демонстрировать стремление не допустить возобновления вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе. Это стало главной целью ее посреднических усилий. Уже 2 ноября 2008 года по итогам встречи президентов России, Армении и Азербайджана была подписана так называемая Московская («Майендорфская» - по названию резиденции главы Российского государства под Москвой) «Декларация трех президентов», согласно которой официальный Баку взял на себя обязательства содействовать урегулированию карабахской проблемы только мирным путем. И в последующие годы руководство России, используя тесные отношения с обеими сторонами армяно-азербайджанского конфликта, стремилось не упустить инициативы из рук и сохранить за собой роль ключевого посредника.¹ В целом за 2008-2011 годы при посредничестве главы Российского государства Д.Медведева состоялось 5 встреч президентов Армении и Азербайджана С.Саргсяна и И.Алиева.

Таким образом, несмотря на глубокий негативный след, который оставила в сознании правящих кругов постсоветских стран российско-грузинская война и ее последствия, властные элиты этих государств в силу ряда причин сохраняли заинтересованность в сотрудничестве с Россией в сфере безопасности. Не случайно поэтому, что состоявшийся в сентябре 2008 года саммит глав государств-членов ОДКБ, хотя и не поддержал решение России о признании независимости бывших грузинских автономий, выразил поддержку ее усилиям «в содействии миру и сотрудничеству в регионе». В переводе с дипломатического языка на политический это можно расценить как фактическое признание участниками особой роли России на постсоветском пространстве как регионального полицейского.

Потерпев неудачу на дипломатическом фронте, Россия, тем не менее, попыталась компенсировать внешнеполитические и имиджевые потери активизацией в области политики безопасности. Москвой были предприняты целенаправленные усилия по укреплению ключевой роли России в системе безопасности на постсоветском пространстве. Для решения этой задачи использовались механизмы как двухсторонне-

¹ Маркедонов С. Нагорный Карабах: российское посредничество продолжается //Новая политика. Интернет журнал, 12 июля 2011 года.

го, так и многостороннего сотрудничества. В плане двухстороннего сотрудничества главный прорыв был достигнут на «украинском» направлении. Отношения с Украиной в период президентства В.Ющенко, взявшего курс на интеграцию страны в НАТО и выразившего намерение ликвидировать российскую военно-морскую базу (ВМБ) в Севастополе, оставались напряженными. Ситуация стала меняться с приходом к власти в Киеве нового президента В.Януковича в результате выборов января 2010 года. В обстановке нарастающего дефицита экономических ресурсов, обусловленного глобальным кризисом, когда к тому же был снят с текущей повестки дня вопрос о вступлении Украины в НАТО в ближайшие годы, администрация В.Януковича решила пойти на нормализацию отношений с Россией. Она сочла, что в национальных интересах Украины целесообразно «разменять» имеющий принципиальное значение для Москвы вопрос о сохранении ВМБ в Севастополе на снижение цен на поставляемый на Украину газ из России, что критически важно для украинской экономики. В апреле 2010 года были подписаны Харьковские соглашения, по которым срок аренды российской военно-морской базы в Севастополе был продлен на 25 лет, до 2042 года.

Несмотря на то, что Армения является членом ОДКБ, Москва предприняла шаги по укреплению военно-политических отношений с этой страной, являющейся единственным союзником России на Южном Кавказе, на двухсторонней основе. В августе 2010 года во время визита в Ереван Д.Медведева был подписан протокол о продлении срока аренды российскими военными базы в Гюмри до 2046 года, предусматривавший одновременно и расширение сферы ее ответственности в обеспечении национальной безопасности Армении.

Параллельно с этими действиями Россия предприняла значительные усилия по укреплению главного института коллективной безопасности на постсоветском пространстве - ОДКБ. В феврале 2009 года было принято решение о создании мобильных Коллективных Сил Оперативного Развертывания (КСОР), которые должны не только отражать внешние нападения на страны-участницы ОДКБ, но и оказывать противодействие террористической угрозе, наркотрафику, организованной преступности, ликвидировать последствия природных и техногенных катастроф. В то же время руководство ОДКБ отметило, что КСОР не планируется задействовать «для решения каких-то межгосударственных двухсторонних политических проблем или в отношении наших партнеров по СНГ или соседних государств».²

² Цит. по: ОДКБ: ответственная безопасность. Под ред. И.Ю.Юргенса. М.: Институт современного развития, 2011, с.9.

При этом Москва стремилась к тому, чтобы ее доминирующая роль в обеспечении безопасности на постсоветском пространстве была принята и признана и Западом. Это предложение озвучивалось как в прямой форме, когда российские руководители и высокопоставленные чиновники объявляли постсоветское пространство «сферой жизненно важных интересов России», так и в более завуалированной. В частности, в высказанном Д.Медведевым на конференции по мировой политике в Эвиане (Франция) в октябре 2008 года предложении о заключении нового Договора о европейской безопасности содержалась идея о недопустимости монополии какой-либо страны в вопросах обеспечения безопасности.³ Очевидно, что своим острием эта идея была направлена против позиций США и военно-политического блока НАТО, который рассматривается Западным сообществом как ключевая структура в обеспечении безопасности на Европейском континенте. Однако, и претензии России на отнесение постсоветского пространства к сфере своих жизненно важных интересов, и идея о заключении нового Договора о европейской безопасности были отвергнуты странами Запада, для которого именно НАТО является гарантом коллективной безопасности в Европе, а концепции «жизненно важных интересов» считаются безнадежно устаревшими для нашей эпохи.

Тем не менее, в послевоенный период России в рамках политики «перезагрузки» отношений с США удалось наладить взаимодействие с Вашингтоном по вопросам безопасности на постсоветском пространстве, но уже по другим каналам. Россия пошла навстречу стремлению США получить возможность транзита через российскую территорию американских военных грузов для проведения операции в Афганистане. Этот вариант транзита является наиболее безопасным для американцев. Россия также присоединилась к международным санкциям против Ирана, на введении которых настаивали западные страны в качестве ответа на нежелание Тегерана сотрудничать с мировым сообществом по вопросу об иранской ядерной программе. В ответ на это США фактически отказались от попыток сдерживания активности России на постсоветском пространстве. Некоторые эксперты даже высказывали предположение, что между Россией и США было заключено негласное соглашение, по которому американцы отказались от политики противодействия попыткам Москвы расширить и укрепить свое влияние в этом регионе мира, но при условии ее отказа от силовых действий.

В целом же политика США в сфере безопасности на постсоветском пространстве после российско-грузинской войны

³ <http://kremlin.ru/transcripts/1659>.

преследовала цели, которые либо играли подчиненную роль по отношению к решению неких глобальных задач, либо должны были создать определенные предпосылки для активной американской игры в регионе в более отдаленном будущем. Так, американцы по-прежнему проявляли заинтересованность в использовании военно-воздушных баз в Кыргызстане и Таджикистане, играющих роль аэродромов «подскока» для ВВС США и их союзника Франции для участия в операциях в Афганистане. У Москвы факт использования этих баз вызывает постоянное беспокойство. Периодически она предпринимает попытки убедить правительства Центрально-Азиатских государств отказать Соединенным Штатам в предоставлении права использовать аэродромы этих стран в военно-транспортных целях. Последний раз подобные попытки предпринимались в отношении Кыргызстана, вскоре после свержения президента К.Бакиева, когда новые власти этой страны оказались в трудном положении перед угрозой экономического коллапса и гражданской войны. В российских политических и экспертных кругах широко распространено мнение, что в будущем США намерены расширить свое присутствие в Центральной Азии, увеличить количество военных баз в странах этого субрегиона, с помощью которых американцы «могут сдерживать интересы сразу трех крупных держав: Китая, России и Ирана. При этом их основная цель, скорее всего, Поднебесная».⁴ Однако правительства Центрально-Азиатских стран, твердо придерживающиеся в их внешней политике принципа многовекторности и балансирования между интересами глобальных держав, оставляют без внимания российские предложения, направленные на ослабление военного присутствия США в этом субрегионе. В то же время политическую активность США в Центральной Азии трудно назвать значительной. Наглядным примером это служит реакция американского правительства на внутривнутриполитический кризис в Кыргызстане весной-летом 2010 года. США ограничились лишь дипломатическими усилиями, что указывает на бесосновательность российских опасений в отношении стратегических планов Вашингтона в Центральной Азии.

После того, как в апреле 2008 года на саммите НАТО в Бухаресте Украине было отказано в предоставлении ей Membership Action Plan, политика США и Североатлантического Альянса по отношению к этой стране сфокусировалась на более узких задачах. Скорее, они были нацелены на то, чтобы сохранить у украинских элит надежды,

⁴ Панфилова В. НАТО готовит интервенцию в Центральную Азию // Независимая газета, 22 июня 2011 года.

что в более отдаленной перспективе двери для вхождения их страны в НАТО останутся открытыми. Украине были предложены ежегодные целевые программы сотрудничества с НАТО. В декабре 2008 года была подписана Хартия о стратегическом партнерстве между Украиной и США. Пришедшая на смену В.Ющенко администрация президента В.Януковича, поначалу сделав ставку на укрепление сотрудничества с Россией, ослабила взаимодействие с США и НАТО. После принятия в июле 2010 года украинским парламентом закона об основах внутренней и внешней политики страны, подтвердившего ее статус как европейского внеблокового государства, тема возможного вступления Украины в Североатлантический Альянс была снята с повестки дня. Однако, в дальнейшем, в 2011 году по мере ухудшения отношений с Россией, Киев снова интенсифицировал контакты с НАТО. Впрочем, это не дает оснований полагать, что сдвиги в политике Украины в ближайшие годы могут привести к кардинальным изменениям в системе безопасности в европейской части постсоветского пространства. Скорее всего, администрация В.Януковича стремится к выправлению балансов во внешней политике Украины. На практике это означает возвращение к курсу, который проводил на международной арене второй президент страны Л.Кучма (1994-2004).

Стремясь избежать нового обострения ситуации на Южном Кавказе, администрация Б.Обамы резко уменьшила политическую поддержку Грузии, недвусмысленно выразив недовольство внешней политикой президента М.Саакашвили. Подтвердив неизменность американской позиции в отношении территориальной целостности Грузии, правительство США свело к минимуму объемы военной помощи Тбилиси.

Таким образом, ситуация в сфере международных отношений и безопасности на постсоветском пространстве в период после российско-грузинской войны августа 2008 года характеризовалась противоречивыми тенденциями. С одной стороны, такие факторы, как опасения правящих авторитарных режимов в постсоветских странах потерять власть в условиях тяжелого финансово-экономического кризиса, снижение интереса США и Евросоюза к региону, толкало расположенные в нем государства к поискам приемлемых форм взаимодействия и компромиссам с Россией по вопросам безопасности. И это давало Москве определенную фору в ее стремлении закрепить свои позиции как регионального лидера, претендующего к тому же на роль архитектора и ключевого игрока в системе коллективной безопасности в регионе. Эта система на Южном Кавказе после августовской войны оказалась разрушенной, но в остальных субрегионах Россия выступала как держава, поддерживающая status quo. Другие же глобальные игроки не сумели предложить для

постсоветского пространства альтернативного, более привлекательного, и, что особенно важно, реализуемого проекта создания системы коллективной безопасности. Казалось бы, это создавало эксклюзивные условия для успешного продвижения Россией в практической политике своего видения системы безопасности, опорным институтами которой являются ОДКБ и военно-политические союзы, заключенные на двухсторонней основе с некоторыми постсоветскими государствами (Белоруссией, Арменией). Однако на практике таких качественных сдвигов не произошло. Задача создания системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве осталась задачей столь же отдаленного будущего, что и была до войны 2008 года. Главная причина этого в том, что правящие авторитарные режимы в странах СНГ рассматривают участие в различных институтах международной безопасности, прежде всего, сквозь призму своих эгоистичных и зачастую конъюнктурных интересов, а вовсе не как проблему, требующую коллективных долгосрочных усилий. Эти мотивы четко просматриваются во внутренних трудностях, с которыми сталкивалась в послевоенный период ОДКБ. Первая проблема связана с опасениями ограничения национального суверенитета в осуществлении политики безопасности. Именно из этих соображений Узбекистан отказался участвовать в создании КСОР. Суть основных претензий Ташкента к этому проекту состоит в том, что, по мнению властей Узбекистана, решения об использовании Коллективных Сил должны приниматься в ОДКБ консенсусом, а не простым большинством, как это зафиксировано в основополагающих документах организации. Узбекистан также твердо придерживается позиции, что подразделения КСОР не должны отправляться в другие государства, если это противоречит национальному законодательству. Кроме Соглашения о создании КСОР, Ташкент отказался подписать и 5 других важнейших решений ОДКБ. Все попытки лидеров стран-участниц этой международной организации и ее руководства убедить Узбекистан пойти на компромисс и принять участие в КСОР оказались безуспешными. В результате участие Узбекистана в ОДКБ оказалось сугубо номинальным. В правящих кругах некоторых постсоветских государств раздаются даже голоса за то, чтобы исключить эту страну из ОДКБ. Другая проблема состоит в том, что авторитарные режимы отдельных стран-участниц рассматривают эту организацию, прежде всего, как институт, который должен преследовать полицейские функции, обеспечивая сохранение правящих элит у власти. Такой позиции придерживается президент Белоруссии А.Лукашенко. Он мотивирует ее тем, что потенциальные страны-агрессоры не пойдут войной на государства ОДКБ, но зато могут реализовать свои намерения, разжигая внутренние конфликты и провоцируя социально-

политическую дестабилизацию.⁵ Эта точка зрения, однако, не нашла поддержки ни у руководства России, ни в ОДКБ. Но несогласие Москвы было обусловлено не столько уставными, сколько политическими соображениями: российские руководители не довольны политикой А.Лукашенко и не хотят помогать ему удерживаться у власти.

Иная ситуация в связи с возможностью военного вмешательства ОДКБ во внутривнутриполитический конфликт возникла летом 2010 года в связи с опасностью гражданской войны и межэтнического противостояния между кыргызами и узбеками в Кыргызстане. Там на повестке дня стоял вопрос не о выживании политического режима, а о сохранении единства и территориальной целостности страны. Как уже отмечалось выше, с просьбой о посылке войск в эту Центральную-Азиатскую республику к Д.Медведеву обратилась и временный президент Киргизии Р.Отунбаева. Однако и в этом случае ОДКБ и Россия отказались от вооруженного вмешательства. По-видимому, причиной отказа послужило не только стремление сохранять верность уставным целям ОДКБ, но и опасения за позицию Узбекистана, который не участвует в КСОР, но наверняка очень болезненно отреагировал бы на ввод иностранных войск в районы с большим процентом узбекского населения.

В то же время, подчеркивая приверженность уставным целям, ОДКБ под влиянием консервативно-охранительных установок правящих кругов стран-участниц, на практике вопреки этим целям, начинает уделять особое внимание борьбе с внутренними угрозами. В частности, на неформальном саммите ОДКБ, прошедшем в столице Казахстана Астане в августе 2011 года, лидеры государств договорились о выработке совместных мер по противодействию кибер- и информационным угрозам. На самом деле за этой формулировкой скрывалась обеспокоенность правительств постсоветских стран тем, что социальные сети и Интернет могут эффективно использоваться протестными группами для организации отстранения правящих режимов от власти, как это произошло в Тунисе и Египте в начале 2011 года. Будущее покажет, насколько серьезным в политике ОДКБ может оказаться этот крен в сторону внутренней безопасности.

Под влиянием отмеченных проблем России так и не удалось создать из ОДКБ сплоченную и эффективную военно-политическую организацию, которая, по замыслам кремлевских стратегов, могла бы играть роль серьезного противовеса влиянию НАТО в Северной Евразии. КСОР численно и по боевой мощи качественно уступает

⁵ <http://www.interfax.by/printable/news/belarus/97602>.

войскам Альянса. В совместных учениях КСОР, как правило, принимают участие незначительные силы.

Что же касается военных союзов на двухсторонней основе, то и здесь наблюдаются определенные проблемы. Так, бесконечные экономические и политические конфликты российского руководства с президентом Белоруссии А.Лукашенко осложняли военное сотрудничество с этой страной. Белоруссия, ссылаясь на дискриминационные меры со стороны России, какое-то время даже отказывалась подписывать Соглашение о создании КСОР.

Серьезным вызовом безопасности продолжает оставаться ситуация на Южном Кавказе. Попытки Турции после российско-грузинской перехватить инициативу в создании системы коллективной безопасности в этом субрегионе оказались безуспешными. Предложенная Анкарой уже в сентябре 2008 года «Платформа стабильности и безопасности на Кавказе» была отвергнута другими государствами. Последующие годы показали, что в обозримой перспективе трудно ожидать послевоенного урегулирования отношений между Россией и Грузией. Москва готова идти на нормализацию отношений с Грузией и обсуждать с ней любые проблемы, кроме вопроса о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Тбилиси, напротив, считает, что предварительным условием для нормализации отношений является обсуждение вопроса о восстановлении территориальной целостности Грузии в ее международно-признанных границах. При этом курс Тбилиси на вступление в НАТО продолжает оставаться краеугольным камнем грузинской внешней политики, что в свою очередь побуждает Москву рассматривать Грузию как недружественное государство и держать правящие элиты этой страны в постоянном напряжении. В середине лета 2011 года поддержка Грузии со стороны США снова активизировалась. Американский Конгресс в июле принял резолюцию, в которой признал Абхазию и Южную Осетию оккупированными грузинскими территориями.

Другим важным условием строительства системы коллективной безопасности на Южном Кавказе является нормализация армяно-турецких отношений. Однако неудача предпринятой по инициативе президента Турции А.Гюля попытки нормализации, которая была начата в октябре 2009 года подписанием в швейцарском Цюрихе двухстороннего протокола, показала, что без достижения прогресса в карабахском урегулировании на это рассчитывать нельзя. Что же касается армяно-азербайджанского конфликта, то здесь позиции сторон по-прежнему диаметрально противоположны. Для Еревана самостоятельность Нагорного Карабаха превратилась в центральный вопрос строительства армянской национальной государственности.⁶

Баку же видит перспективы карабахского урегулирования только на пути реинтеграции этой территории в состав Азербайджанской республики. Быстро меняющийся в пользу Азербайджана баланс военных сил способствует нагнетанию напряженности в зоне конфликта и повышает шанс нового военного столкновения между двумя странами.

После охлаждения российско-украинских отношений в 2011 году, обусловленного нежеланием Москвы снижать цены на поставляемый газ,⁷ заметно ухудшились отношения между двумя странами и в сфере безопасности. Украина стала запрещать военным кораблям России проход в Азовское море через свои территориальные воды. Снова обострилась проблема контроля над маяками и другими гидрографическими сооружениями Черноморского флота, расположенными в Крыму. Некоторые эксперты не исключают, что если ситуация будет и далее ухудшаться, Украина может поставить вопрос и о пересмотре соглашений об условиях пребывания российской ВМБ в Севастополе.

Иными словами, ситуация вокруг проблемы безопасности на постсоветском пространстве после российско-грузинской войны продолжает оставаться неустойчивой и неопределенной, подверженной влиянию многочисленных конъюнктурных факторов. Судя по всему, в ближайшие годы Россия сохранит за собой роль ведущей в военно-политическом отношении державы региона, но создать прочную систему коллективной безопасности, даже на уровне субрегионов ей вряд ли удастся.

⁶ Искандарян А. Армения между автократией и полиархией //Pro et Contra, 2011, №3-4 (52), май – август 2011 года, с. 20.

⁷ Взамен этого Россия хочет получить контроль над газотранспортной системой Украины.

Эльмира Ногойбаева
(Кыргызстан)

Центральная Азия: частности без общего

Новый регион

Сконструированный в советские времена регион, как и сам термин «Средняя Азия», сегодня, сменил не только свое название, но и очертания на географической карте. Не углубляясь в рассмотрение принципиальной разницы в терминологии, можно лишь отметить, что почти ровно век спустя политико-географическая композиция региона снова подверглась перекрою. Правда на сей раз идея реконструкции была предложена уже из другой большой державы. Вчерашняя «Средняя Азия» с представленными в ней «дружественными республиками» стала «Центральной Азией». Позднее появились предложения существенно раздвинуть его границы за счет включения в него Монголии, Синьцзяна (Китай) и Афганистана и назвать расширенный регион «Большой Центральной Азией».¹ Но за этой географической картинкой нет сложившейся новой межстрановой общности. Регион с новыми контурами является результатом сознательного политического конструирования, осуществленного единым целеполаганием, как и век тому назад. На практике же новая географическая конструкция выглядит, скорее, как набор разных общественно-политических реалий, принципиально различных политик и устремлений, представленных странами, расположенными в центре Евразии.

¹ Starr S. F. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs, July/August 2005, volume 84, number 4.

Тем не менее, несмотря на эти и другие имеющиеся в литературе различные трактовки и подходы к определению понятия «Центральная Азия», мы будем подразумевать под ним регион, привычно состоящий из пяти постсоветских государств.

Единый регион?

При всей кажущейся, на первый взгляд, схожести этих стран, Центральная Азия сегодня представляет собой находящееся в центре Евразии образование, которое выделено только по географическому принципу, поскольку общие черты в становлении и развитии этих, все еще «новых» государств, так пока и не просматриваются. Скорее наоборот, каждая из стран проживает внутренний процесс самоидентификации, формируя как идеологические, так и новые внешнеполитические приоритеты. Туркменистан – это своеобразная региональная «вещь в себе», государство с уже устойчивой политикой нейтралитета-изоляции, информацию о котором трудно получить даже самым ближайшим соседям, имеющим с ним общие границы. Еще с большими трудностями сталкиваются их попытки выстраивания с этой страной открытых прямых коммуникаций. Перманентно соперничают за региональное лидерство Казахстан и Узбекистан, возглавляемые неизменными сильными и амбициозными лидерами Н. Назарбаевым и И. Каримовым, которые выстроили в своих странах жесткие властные вертикали, являющиеся важнейшим инструментом реализации провозглашенного ими курса поддержания и укрепления стабильности в обществе. Есть в регионе достаточно бедные страны, даже на фоне соседей по региону, Таджикистан и Кыргызстан. Последняя из них, и вовсе зарекомендовала себя как «плохиш» и не только в масштабе региона, но и всего постсоветского пространства. Причина тому – политико-революционные эксперименты, которые периодически так беспокоят соседей, что те время от времени отгораживаются от этого «островка демократии» в прямом и переносном смысле, путем закрытия своих границ.

Итак, несмотря на существующие исторические, политические, и экономические предпосылки и потенциальные возможности для превращения Центральной Азии в целостный регион, она в реальности представляет собой лишь желаемую политическую конструкцию. А вопрос о Центрально-Азиатском регионе как об акторе международной политики чаще всего ставят в повестку дня государства, не имеющие прямого отношения к этому региону. В самих же расположенных здесь странах, дискуссии уже давно имеют предметный характер, и в центре их находятся вопросы собственности или безопасности. Наиболее часто обсуждаемые в последнее время на региональном уровне темы – это распределение водных ресурсов, и противодействие

влиянию «революционных тенденций» в их кыргызском варианте «оранжевой чумы». В результате рождаются соответствующие инициативы, например, по усилению контроля за виртуальным пространством, которое и без того практикуется, в результате чего в некоторых государствах региона это пространство имеет явную тенденцию к сужению.²

Водные ресурсы – «камень преткновения» или инструмент политики?

Обеспечение водными ресурсами имеет огромное значение для социально-экономического развития стран региона. Распределительная сеть, которой пользуются государства Центральной Азии, была создана еще в рамках одного из самых эпохальных проектов прошлого века – «Плана ГОЭЛРО», предполагавшего электрификацию всей, тогда еще советской страны. После распада СССР, ее использование стало причиной споров, связанных с хозяйственно-экономическим обеспечением уже новых стран, и даже обусловило возникновение серьезных трений межгосударственного характера. Эти разногласия особенно заметно проявились в отношениях между Кыргызстаном и Узбекистаном, Таджикистаном и Узбекистаном, поскольку именно в горных районах Кыргызстана и Таджикистана собирается основной сток воды в регионе и именно там были построены крупные гидроэлектростанции и водохранилища, как например, Токтогульская ГЭС на территории Кыргызстана.

Распределение водных ресурсов сегодня является уже не только проблемой двусторонних отношений, в частности Кыргызстана и Узбекистана. Ныне это еще и вопрос о заинтересованности потенциальных третьих сил в получении дополнительных рычагов влияния в регионе. Именно так были расценены кыргызскими аналитиками соглашения 2011 года о российских инвестициях в развитие энергетики Кыргызстана: «Речь идет не о строительстве электростанций, как таковых, а о попытке использовать этот процесс, как мощный инструмент воздействия на ситуацию. С одной стороны, за счет этого строительства Россия может получить контроль над энергетикой Кыргызстана, с другой, – над Узбекистаном».³

Дефицит водных ресурсов представляет собой важнейшую

² Барينو́ва Д. Асимметрия политического пространства Интернета // Международные процессы, Январь-Апрель 2011, т.9, №1 (25); Она же. Методы анализа информационной суверенности государства в национальных доменах // Доменные имена, Апрель 2011, №1, с.22-25 (<http://www.dn.nic.ru/publications/dn2011/DN2011-1-Barinova.pdf>).

проблему для Центральной Азии, которая со временем лишь только усиливается. Являясь, с одной стороны, серьезным препятствием для сближения стран региона, их нормального взаимодействия, с другой стороны, дефицит воды становится инструментом манипуляций со стороны третьих стран. Подобная ситуация складывается и в истории строительства и запуска Рогунской ГЭС в Таджикистане. Помимо давнишнего спора между Душанбе, доказывающим необходимость строительства этой станции, и Ташкентом, полагающим, что ее функционирование может обернуться экологической катастрофой для всего бассейна Аму-Дарьи, в этом конфликте, как полагают аналитики, могут присутствовать и интересы третьих стран. Они состоят в том, чтобы с помощью того или иного решения о Рогунской ГЭС повлиять на политику Таджикистана и Узбекистана в своих собственных интересах.⁴

Не менее остро стоит проблема межгосударственных границ в регионе. Несмотря на официальные акты, оформившие границы между странами, еще не все вопросы решены до конца. Так, до сих пор не демаркировано примерно 15% 1500-километровой границы между Таджикистаном и Узбекистаном. Все еще введутся активные переговоры между погранслужбами Туркменистана и Узбекистана о делимитации и демаркации границ между этими странами. Весной 2011 года, после долгих переговоров между Узбекистаном и Кыргызстаном был принят киргизско-узбекский Меморандум по урегулированию правовых основ делимитации совместной госграницы. Кыргызско-узбекская граница - одна из самых проблемных на всем постсоветском пространстве. Основная граница между странами проходит по наиболее сложному участку - Ферганской долине, которая разделена между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном и характеризуется наличием ряда этнических анклавов, расположенных на территории сопредельных государств. К таковым относятся таджикский Ворух на территории Кыргызстана и узбекские анклавы Сох и Шахимардан в Кыргызстане. В современной мировой практике существует немного случаев существования анклавов, однако, проблемы, связанные с их существованием, со всей остротой сохраняется в Ферганской долине, до сих пор являясь, с точки зрения жителей этих территорий, наибольшей угрозой их безопасности.

³ Богатырев В. Центральная Азия – это не место интеграции и регионализации, а место геополитического разлома //Сайт Посольства Республики Узбекистан в Кыргызстане (<http://www.uzbekistan.kg/aral2.php>).

⁴ См. например: <http://www.regnum.ru/news/polit/1459822.html>.

Между странами региона перманентно идут переговоры, в ходе которых выдвигаются предложения о паритетном обмене территорий с целью непосредственного воссоединения этнических анклавов с их «родными» национальными государствами. Прогресса, тем не менее, добиться не удастся. И каждый год, особенно в период весенних и осенних поливных работ, все чаще происходят небольшие приграничные конфликты, связанные с проблемой существующих границ и распределением водных ресурсов. Однако нынешнее состояние международных отношений в Центральной Азии таково, что любой бытовой конфликт может перерасти в межгосударственный. И, к сожалению, подобные случаи уже были в новейшей истории стран региона.

Конфликтогенные зоны

Наиболее остро вопросы безопасности Центральной Азии стоят в зоне Каспийского моря и в Ферганской Долине. Зона Каспийского моря интенсивно милитаризируется: прибрежные государства создают здесь военные флотилии, береговую охрану и укрепрайоны и т.д. Договорно-правовая база по разделу этого крупнейшего в мире водоема с замкнутым контуром, которая удовлетворила бы все прикаспийские страны, так еще и не сформирована. Каспий становится потенциально конфликтным регионом, поскольку здесь сосредоточены крупные месторождения нефти и газа и важнейшие пути нефтегазового транзита, сходятся интересы не только прикаспийских государств, но и глобальных акторов, включая США, Китай и страны Европейского Союза, заинтересованных в освоении богатых природных ресурсов зоны Каспийского моря.

Непростая ситуация складывается в Ферганской долине, которая исторически была и до сих пор является наиболее сложным узлом противоречий в регионе. Полиэтничность этой территории, высокая плотность населения при явной нехватке плодородных земель, бедность, неспособность руководящих кругов трех Центрально-Азиатских государств решить сложные межэтнические и территориальные вопросы, и масса других проблем, - все это сформировало благоприятную почву для распространения экстремистских идей и возникновения радикальных движений в Ферганской долине. Эти силы вступают в прямой конфликт с правительствами расположенных здесь стран.

Экономика, миграция и геополитика.

Нестабильное и непредсказуемое развитие экономик государств Центральной Азии, особенно тех, кто не имеет значительных запасов нефти и газа, также препятствует консолидации региона в политико-

экономическую межгосударственную общность. Оно не способствует артикуляции и отстаиванию общих экономических интересов, формированию общего рынка, который был бы ориентирован в большей мере на внутренний спрос расположенных здесь стран, чем на интересы внешних акторов. «Несмотря на попытки сконструировать ... программы экономического развития, в целом некий позитив в движении экономики вперед достигается за счет продажи сырья, а не структурного подъема экономики», - справедливо отмечает известный кыргызский эксперт М.Иманалиев⁵. Подобная ситуация серьезно влияет на другую тенденцию, играющую важную роль в формировании политических взаимосвязей региона с Россией. Речь идет о миграции.

Тема миграции выходцев из Центральной Азии давно вышла за рамки социально-экономической проблематики. Сегодня она представляет собой сложный комплекс различных проблем, затрагивающих межгосударственные отношения государств Центральной Азии с Россией на различных уровнях. Ярким примером того, как тема миграции становится мощным инструментом политики, было заметное ухудшение российско-таджикских отношений в конце 2011 года. Поводом к нему явилось решение таджикского суда, приговорившего российского летчика В. Садовниченко и его эстонского коллегу А.Руденко к восьми с половиной лет лишения свободы за нарушение воздушных границ страны и контрабанду. Сразу же за этим последовало заявление главного санитарного врача России Г.Онищенко, обнародовавшего информацию о том, что мигранты из Таджикистана слишком часто болеют опасными заболеваниями. Это стало основанием для массовых депортаций из России трудовых мигрантов из Таджикистана. Подобная мера является весьма чувствительной для экономики этой страны, где средства, заработанные мигрантами, играют значительную роль в наполнении ее бюджета. В результате Таджикистан был вынужден пойти на уступки: летчиков отпустили, а в ответ на это Россия прекратила высылки мигрантов. При этом российские власти отрицали, что между массовым отловом и депортацией трудовых мигрантов из Таджикистана и судом над российским летчиком В.Садовничиным была какая-то взаимосвязь. По их мнению, совпадение было случайным.

Идеи и идеологии

Страны, вышедшие из советской системы, и спустя 20 лет после распада СССР сохранили существенные элементы ее социального и

⁵ Иманалиев М. Центральная Азия: вызовы и ответы. Бишкек, 2006 (<http://www.ipp.kg>).

политического порядка. Но одновременно с этим усилилась роль традиционализма. Особенно заметна отмеченная тенденция в сфере идеологий и системы ценностей. И в первую очередь она проявляется в «возвращении» ислама. Сегодня нельзя говорить, что растущая роль ислама имеет лишь региональный контекст. Даже современная Европа не смогла избежать серьезных проблем с самоидентификацией. Она испытывает на себе сильное давление со стороны мусульман в различных сферах социальной жизни, включая и ее нормативно-ценностные аспекты. Ислам в странах Центральной Азии имеет свою специфику. Все государства региона – светские. В течение последних 20 лет они осуществляют поиск собственного пути развития через актуализацию своего культурно-исторического наследия. Как правило, используются те идеологические компоненты, которые существовали здесь в досоветский период. К тому же страны региона, так же как и большинство других молодых государств, не смогли избежать широкого мифотворчества относительно своего прошлого, как на идеологическом, так и на политическом уровне.

Говоря о культурно-историческом наследии, следует подчеркнуть, что у номадических казахов и кыргызов, наряду с исламом, существует еще и гораздо более раннее по происхождению – тенгрианство, являвшееся древней религией тюркских и монголоязычных народов Северной Евразии. В ее основе – обожествление Неба. Дискурс свободной идеи – Тенгри до сих пор популярен в регионе, однако сегодня он перестает противопоставляться доминирующему и постоянно усиливающемуся здесь исламу. Хотя, как и век тому назад, препятствием для укрепления позиций ислама является незнание арабского языка, базового для этой религии, что делает эту форму вероисповедания все более ритуальной, чем глубоко идейной.

На процессы элитообразования в странах Центральной Азии до сих пор сильное влияние оказывает наследство, доставшееся им от долгого пребывания в составе СССР. Патернализм высокой степени, присущий советской номенклатуре, которая по-прежнему широко представлена в политико-бюрократических элитах практически всех пяти государств, и в настоящее время активно влияет на поведенческие модели чиновничества, что, в конечном счете, тормозит модернизацию системы государственного управления.

Огромную роль играет в значительной мере сохранившееся со времен Советского Союза общее информационно-культурное пространство. Русский язык, культура для стран Центрально-Азиатского региона служат своеобразным мостом, связывающим их с европейской и в более широком смысле с западной культурой, и потому по-прежнему являются важным элементом развития.

Русскоязычные СМИ – телевидение, радио и пресса – все еще позволяют в какой-то мере «стягивать» общий контур интересов, дискуссий и повесток дня. Но изменение лингвистических политик некоторых стран и даже алфавита указывают на меняющиеся тенденции. Так, Узбекистан и Туркменистан перешли с кириллицы на латиницу, в Казахстане дискуссия о таком переходе до сих пор актуальна. Жители государств региона все больше предпочитают говорить только на родных языках. Кстати, с этой проблемой столкнулась и Россия: прибывающие в нее трудовые мигранты из стран Центральной Азии часто плохо знают русский язык.

Новые элиты Центральной Азии все больше предпочитают получать образование в Европе, США, Турции, Китае и других странах, что не может не влиять на формирующиеся у них политические предпочтения и взгляды на будущее своих государств. Помимо усиления роли религии, в Центрально-Азиатских странах одновременно идут и процессы национального строительства, сопровождающиеся подъемом национал-патриотических движений, которые оказываются в достаточной степени востребованными в обществе. Поколение, получившее образование на Западе, привносит и местную политическую жизнь новую систему ценностей. Поэтому идеи либерализма также представлены в идеологической палитре стран Центральной Азии, особенно в Кыргызстане, наиболее и свободном открытом государстве региона.

Предложенные глобальными игроками идеологические повестки для стран Центральной Азии отличаются по содержанию и наполнению. Запад предлагает демократические ценности и равные права, хотя в этой связи все больше встает вопрос об их «специфике и адаптивности» к местному контексту. Китай, действуя поступательно и рационально, не навязывает, на первый взгляд, никаких идеологем, но при этом активно внедряясь в местные национальные рынки своими кроссграничными проектами и интересами, продвигает свой вариант идеологии развития. Внешне все выглядит так, будто Китаю вроде бы «здесь» ничего и не нужно, кроме продвижения взаимных экономических интересов, выражающихся в серьезных по меркам Центрально-Азиатских стран, инвестициях. Почти таким же образом пытается позиционироваться и Россия. Однако то ли территориальная величина не позволяет ей действовать более тонко, то ли отсутствие четких целей, не говоря уже о стратегии, все чаще вызывают раздражение у народов Центральной Азии, еще не переживших постимперский синдром. «У русских нет вменяемой и эффективной для интересов России и понятной для Казахстана и среднеазиатских стран “российской среднеазиатской политики”, а у США есть — это демократия, и у Китая есть — это социальная справедливость и эко-

номический не-имперский прагматизм (имперский вектор Поднебесной направлен на юго-запад и юго-восток)».⁶

В этом контексте можно было бы отметить и уже неновый формат повестки тюркского единства, который некоторые аналитики стали рассматривать как альтернативу Евразийскому Союзу. В Алматы 20-21 октября 2011 года состоялся первый саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркского совета), где лидеры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции приняли ряд решений, означающих статусное оформление этой новой международной организации, и наметили приоритеты торгово-экономической и культурно-гуманитарной интеграции входящих в Тюркский совет государств. На самом деле эта инициатива только показала, что к региону проявляет интерес не только США, Россия и Китай, но и другие усиливающиеся игроки, и среди них, безусловно, Турция, которая выстраивает здесь очень гибкие как экономические, так и идеологические отношения практически со всеми пятью странами. Активен в регионе Иран. Особенно успешно развиваются его отношения с культурно и этнически близким ему Таджикистаном. Усиливают позиции в Центральной Азии Индия и Пакистан. Арабские страны стремятся активно продвигать ислам в регионе и одновременно выступают с широкими предложениями экономического характера.

Регион и интеграционные проекты

Попытки объединить регион в рамках одного или нескольких межгосударственных объединений за двадцать лет, истекшие после распада СССР, проводились не один раз. Американская инициатива С. Старра создать Большую Центральную Азию, несмотря на то, что она была довольно критически оценена на самом Евразийском континенте, все же имела определенный политический и экономический смысл. Считается, что ее появление было обусловлено начавшимся соперничеством России, США и Китая за влияние в Центрально-Азиатском регионе. В ответ на идею о Большой Центральной Азии появилось предложение президента Казахстана Н.Назарбаева о создании нового Центрально-Азиатского союза; ранее же существовавшее «Центрально-Азиатское сотрудничество» было интегрировано в Евразийское Экономическое Сообщество.

В регионе появляется все больше новых инициатив и интеграционных проектов. Сегодня в наибольшей степени дебатированы

⁶ Собянин А. //Материалы круглого стола «Центральная Азия в геополитических процессах: ее настоящее и будущее. М., 2011 (<http://www.csef.ru/pdf/1951.pff>).

вхождение некоторых стран региона в Таможенный Союз, и проект создания по инициативе российского лидера В.Путина Евразийского Союза. Новая/старая риторика лидеров – авторов упомянутых проектов все больше подтверждает предположения о реальности возрождения неоимперии. Однако осуществить на практике подобную стратегию будет очень не просто, поскольку процесс строительства национальных государств в регионе зашел слишком далеко, даже несмотря на их экономическую слабость и уязвимость.

Фундаментальная проблема всех моделей реинтеграции, которые предлагаются сегодня не только странам Центральной Азии, но и большинству постсоветских государств состоит в том, что они больше похожи на объединения советского образца. Как когда-то СНГ, предполагавший оформить не только «развод» бывших советских республик, но и создать надежные постконфликтные отношения между ними, все последующие интеграционные объединения не достигли особых успехов в решении этой задачи. Они так и остались достаточно рыхлыми и бездеятельными. Реакция их структур на межэтнический конфликт в июне 2010 г. в Кыргызстане это продемонстрировала. Даже ОДКБ – специализированная организация по безопасности не имела потенциала для возможного урегулирования конфликта. Как это ни парадоксально, но к той же, «вчерашней», форме региональной коммуникации, сегодня можно отнести и НАТО. Возможно, из-за доминирования изначальных целей и стратегий эта «неустрашимая» и действительно мощная организация, как и большинство постсоветских, вовремя так и не смогла поменять и модернизировать свой формат. Назвать рациональную, работающую, а главное эффективную институцию современного образца после на сегодняшний день весьма затруднительно. Ее нет, ни в регионе Центральной Азии, ни на самом постсоветском пространстве. Возможно, потому что и расположенные на его территории государства сами переживает болезненный процесс самоопределения. Они, то пытаются вырваться вперед, осуществить модернизацию в соответствии с требованиями современного развития, то возвращаются назад, к старым моделям, почему-то полагая, что эти модели являются наилучшими для стран, расположенных на постсоветском пространстве.

*Др. Вадим Воловой
(Литва)*

Экономика и география: интеграция по необходимости

СССР был подобен плитке шоколада, с обозначенными границами долек-республик. После того, как дольки отломлены, их уже недостаточно сложить вместе, чтобы восстановить всю плитку. Отныне этого можно добиться только путем переплавки всей плитки и новой штамповки.

Бельгийский геополитик Жан Тириар¹

Советский Союз был единой экономической системой, пусть не достаточно эффективной из-за доминирующей роли в ней государственного планирования, но всё же единой. Поэтому распад СССР как данность стал не только геополитической, но и в той или иной степени экономической катастрофой для многих составлявших его республик. Иными словами, сразу же после обретения независимости, новые национальные государства столкнулись с необходимостью самостоятельного развития в условиях стремительно рушащихся экономических связей.

Страны Балтии решили выйти из этой ситуации путём максимально быстрой либерализации своих экономик и постепенной переориентации на европейский рынок. В конечном итоге это принесло им успех, институциональным измерением которого стало

¹ Цит. по: Дугин А. Основы геополитики. Глава 2, раздел 2.1: <http://www.arctogaia.com/public/osnovygeo>; <http://www.arctogaia.com/public/osnovygeo>.

вступления Балтийских государств в Европейский Союз. Разумеется, они и сейчас продолжают сталкиваться с экономическими трудностями (особенно Латвия и Литва), отчасти вызванными особенностями выхода из советского прошлого, отчасти влиянием нынешнего глобального финансово-экономического кризиса. Однако данная констатация не отменяет принадлежности Балтийских государств к единой европейской экономической системе, что позволяет констатировать их разрыв с наследием СССР. По сути, единственным связывающим моментом, не позволяющим назвать данный разрыв окончательным и бесповоротным, является энергетическая зависимость стран Балтии от России, которую они в последнее время достаточно активно пытаются преодолеть (например, существуют планы строительства в Литве новой АЭС совместно с Латвией, Эстонией и Польшей вместо закрытой Игналинской атомной станции; есть проект постройки терминалов Сжиженного природного газа (СПГ) в Латвии и Литве и т.д.). Говоря иными словами, Балтийские страны однозначно бесперспективно рассматривать в рамках дискуссии о возможностях и перспективах экономической реинтеграции на постсоветском пространстве. Это «отрезанный ломоть».

Во многом иная ситуация складывается в географических границах Содружества Независимых Государств (СНГ). Возникшая после распада СССР эта организация была призвана сохранить те связи и механизмы взаимодействия и сотрудничества, которые еще можно было сохранить. Однако вскоре стало очевидно, что СНГ представляет собой инструмент «цивилизованного развода» бывших «братских республик», составлявших ранее единое государство. Именно так охарактеризовал историческую роль Содружества в 2005 году и президент России В. Путин. По его словам, «и если кто-то ожидал от СНГ каких-то особых достижений в сфере экономики, в сотрудничестве в политической области, военной – то, естественно, этого и не было, потому что и быть не могло. Цель одна – СНГ создавался, чтобы процесс распада СССР проходил наиболее цивилизованным способом. С этой задачей СНГ справилось».² Сегодня деятельность данного межгосударственного объединения фактически сводится лишь к проведению встреч и переговоров на высшем уровне. В прошедшие годы договоренности, достигнутые на этих встречах главами государств, как и подписанные ими документы, как правило, не выполнялись. Со временем это стало одной из

² СНГ должно остаться для цивилизованного развода //Российская газета, 25 марта 2005 (<http://www.rg.ru/2005/03/25/sng-anons.html>).

важных причин постепенного угасания интереса лидеров СНГ к подобным мероприятиям. В результате саммиты Содружества стали собирать все меньше участников. СНГ не стал и уже не может стать прочной объединительной основой для тесного политического и экономического сотрудничества между постсоветскими государствами.

Не имела особых перспектив и интеграционная платформа ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдова). С самого начала многие эксперты отмечали, что этот союз был создан с единственной целью - снижения влияния России на постсоветском пространстве. Однако он не выдержал испытания временем. Постепенно большинство членов организации потеряли к ней всяческий интерес (а Узбекистан в 2005 году вообще вышел из рядов ГУУАМ), и на сегодняшний день её объединительный потенциал, как и в случае СНГ, оказался практически исчерпанным. Как справедливо заметил на Вильнюсской конференции «Перспективы и прогнозы сотрудничества в Евразии» эксперт грузинского Института публичной политики Бакур Квашилава, «конечно, определённые силы не хотели полной дезинтеграции СССР, поэтому они решили создать СНГ. Но это были силы, которые, вне всякого сомнения, действовали по инерции. Другие организации, например, ГУАМ, были созданы позже. Однако я считаю, что эта организация начинает терять свою значимость, так как тоже функционирует инерционно и пассивно».³

В настоящий момент на постсоветском пространстве создано несколько организационных объединений, которые объединяют «желающих» и оставляют за бортом скептиков интеграции. Речь в данном случае идёт, прежде всего, об Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийском Экономическом Сообществе (ЕврАзЭС), Едином Экономическом Пространстве (ЕЭП) и Таможенном Союзе (ТС). В связи с тем, что ОДКБ является организацией чисто военного толка, её нецелесообразно обсуждать в экономическом контексте. А вот тема ТС заслуживает исключительного внимания. Её анализ позволит во всей полноте раскрыть содержание процессов экономической интеграции «по необходимости», происходящих на постсоветском пространстве.

Таможенный Союз – вступить желательно-обязательно

Прежде всего, необходимо понять, какое значение ТС имеет для России, которая, безусловно, является одним из инициаторов и

³ Воспроизведено по аудиозаписи Вильнюсской конференции «Перспективы и прогнозы сотрудничества в Евразии».

лидером этого проекта. Комплексная оценка российской внешней политики позволяет прийти к выводу, что она нацелена на реинтеграцию большей части постсоветского пространства под началом Москвы. Исходя из этого, можно с достаточно высокой степенью уверенности утверждать, что Россия рассматривает ТС в качестве инструмента достижения поставленной геополитической цели путём экономической «привязки» к себе соответствующих стран, уже не говоря о стремлении таким образом ограничить политическое и экономическое влияние Китая в Центральной Азии.⁴ Такую позицию Москвы можно расценивать как имперский реваншизм или как защиту «большими державами» своих национальных интересов, разумеется, в том виде, как они ее понимают. Однако разница в оценках сути дела не меняет. Поэтому целесообразно принять это стремление России как данность, исходя из которой, и следует проводить дальнейший анализ.

На сегодняшний день в состав ТС помимо Российской Федерации входят Казахстан и Белоруссия. Одновременно Москва ведёт активную политику по вовлечению в Союз Украины. С учётом того, что темой данной статьи является «интеграция по необходимости», то мотивы участия Казахстана в данном проекте логично здесь не рассматривать. Конечно, можно предположить, что Астана, взвесив все «за» и «против», сразу решила пойти на экономическое и политическое сближение с Россией, чтобы потом не оказаться в том положении, в котором сейчас находится Белоруссия, и в результате всё равно подчиниться воле Москвы. Однако история показывает, что Казахстан в лице своего президента Н. Назарбаева изначально позитивно относился к проектам евразийской интеграции. Еще в первой половине 90-х годов, когда на постсоветском пространстве доминировали тенденции к национальному

⁴ Как верно в данном контексте отмечает казахстанский эксперт К. Сыроежкин: «С Китаем можно разговаривать на равных, но лишь тогда, когда он сам признает значимость и силу партнера по диалогу. А поскольку по отдельности государства Центральной Азии, да и Россия вряд ли смогут конкурировать с Китаем, возникает необходимость создания механизмов, позволяющих объединить усилия. Условия для этого есть, были бы политическая воля и осознание реальности угроз. И в этом смысле формирование Таможенного Союза между Россией, Казахстаном и Беларусью – существенный шаг вперед в ограничении appetitов Китая на постсоветском пространстве». См.: Сыроежкин К. Эволюция китайской политики в Центральной Азии (начало 1990-х гг. – настоящее время) // Analytic (КИСИ), 2010, № 4, с. 33 (<http://www.kisi.kz/img/docs/5050.pdf>).

обособлению, а Россия эпохи Б.Ельцина была слабой страной, не способной объединить вокруг себя другие государства, лидер Казахстана понимал, что это положение дел носит временный характер, и продолжал настаивать на целесообразности евразийской интеграции. В этой связи уместно привести высказывание российского эксперта Ю. Солозובה, который, отвечая на вопрос о ее лидерах, отметил: «Безусловно, это – Нурсултан Назарбаев. Он был первым среди мировых политиков, кто осознал жизненную необходимость такой интеграции. Ещё весной 1994 года во время своего визита в Великобританию Нурсултан Абишевич высказал убежденность в том, что «на смену нынешнему разъединению придёт эпоха интеграции государств евразийского пространства». Таможенный Союз – одна из ключевых интеграционных идей, выдвинутых казахстанским лидером. Созданию такого Союза Президент Казахстана уделял самое пристальное внимание на протяжении многих лет».⁵ Таким образом, то, что сегодня Казахстан является одним из ближайших союзников России, это, скорее, его осознанный выбор, нежели вынужденное подчинение обстоятельствам.

По-иному складываются отношения Москвы с Минском и Киевом. Белоруссия и после объявления независимости продолжила развивать с Россией тесные отношения по различным линиям. Как справедливо отметил на Вильнюсской конференции белорусский эксперт Павел Морозов, «не успела Беларусь выйти из советской системы, как тут же начала строить новые интеграционные связи с Россией. Посмотрите в центр различных моделей интеграции с Россией: Беларусь вовлечена в 90% инициатив. (...) У нас Таможенный союз с Россией, открытый доступ к российскому рынку, дешёвые энергетические поставки, военное и политическое сотрудничество, крупные субсидии и дотации. Простые граждане каждый день на себе ощущают выгоды этой интеграции, так же как люди, живущие в ЕС, ощущают выгоду от возможности свободно передвигаться и работать в странах, принадлежащих этой единой зоне. (...) Однако раньше или позже встанет вопрос геополитического выбора (...)».⁶ С таким прогнозом трудно не согласиться.

Следует признать, что на протяжении долгого времени президенту Белоруссии А. Лукашенко удавалось искусно

⁵ Солозобов Ю. От Таможенного союза к политическому, 27 ноября 2009 года // <http://www.apn.ru/publications/article22182.htm>.

⁶ Воспроизведено по аудиозаписи Вильнюсской конференции «Перспективы и прогнозы сотрудничества в Евразии».

дезориентировать руководство России. Провозгласив курс на интеграцию, на создание с Россией Союзного государства, официальный Минск на практике не предпринимал никаких действий, которые могли бы ограничить экономическую и политическую самостоятельность Белоруссии, поставить ее ресурсы под контроль соседней страны. С точки зрения интересов белорусской стороны, подобная тактика выглядела вполне оправданной. По сути дела, Белоруссия развивалась во многом за счёт экономических ресурсов и предпочтений, полученных от Москвы, а взамен давала лишь обещания, которые в последний момент под разными предложениями отказывалась исполнять (например, вопрос о введении единой валюты). Однако в конечном итоге России это надоело (возможно, переломным моментом стал отказ А. Лукашенко признать независимость Абхазии и Южной Осетии), и она решила надавить на неуступчивого соседа всеми имеющимися средствами (в первую очередь, конечно, энергетическими), чтобы *de facto* превратить Белоруссию в полностью контролируемую Россией страну, окончательно лишив её экономической самостоятельности. В перспективе эта линия может привести к поглощению Белоруссии Россией.

Однако полное объединение с «большим братом» противоречит геополитическим и экономическим интересам Белоруссии. С учётом географического положения, ей выгодно пользоваться преимуществами одновременного сотрудничества, как с Россией, так и с Европейским Союзом. Однако на практике реализация этой перспективы в силу различных причин оказалась невозможной. Обстоятельства сложились таким образом, что экономическая зависимость Белоруссии от России оказалась очень сильной, а Европа отказалась от сотрудничества с авторитарным режимом А. Лукашенко после президентских выборов декабря 2010 года, когда он обрушил жестокие репрессии против оппозиции. Не желая расставаться с властью, но, столкнувшись при этом с проблемой нарастающего дефицита ресурсов и санкциями Европейского Союза, А. Лукашенко был вынужден пойти на принципиальные экономические уступки Москве в отношении приватизации ведущих активов национальной экономики. Теперь становится лишь вопросом времени, когда Россия возьмёт под полный контроль экономическую систему соседней страны. Таким образом, Белоруссия представляет собой яркий пример интеграции «по необходимости». Конечно, теоретически можно предположить вариант ухода А. Лукашенко с политической сцены, демократизации страны и её переориентации на сотрудничество с ЕС. Однако на сегодняшний день подобный сценарий выглядит больше гипотетической, нежели реальной перспективой. Свой «вынужденный выбор» Белоруссия уже практически сделала.

Отношения с Украиной развиваются по иному сценарию. Россия также хотела вовлечь эту страну в проекты экономической интеграции на постсоветском пространстве. Однако результат предпринятых усилий неочевиден, поскольку Украина гораздо более крупное, по сравнению с Белоруссией, по масштабам экономики государство. Да и во внешней политике официальный Киев после обретения Украиной независимости преимущественно придерживался линии на балансирование между Россией и Западом. В данном контексте заслуживающим внимания выглядит мнение председателя фонда польско-украинского сотрудничества РАУСИ Яна Пекло: «Для Путина ... приобретение Украины для своего плана создания общего экономического пространства России, Казахстана и Белоруссии, имеет важное значение. Без участия в нем Украины этот политико-экономический проект создания противовеса ЕС не будет иметь смысла. Путин будет использовать все возможные средства – от шантажа с угрозой повысить таможенные пошлины на украинские товары до политического давления и обещаний снизить цены на газ, чтобы достичь своей цели».⁷

Президент России Д. Медведев, комментируя в мае 2011 года метания Украины между возможностями экономического (энергетического) сотрудничества с Россией на льготных условиях и провозглашенным европейским вектором развития страны, заявил: «Нельзя сидеть на двух стульях. Или там, или там. Вместе не получится».⁸ Иными словами, позиция России в украинском вопросе предельно ясна: Москва добивается вступления Украины в Таможенный Союз, или же, по крайней мере, Киев должен передать в руки «Газпрома» украинскую газотранспортную систему, что в любом случае делает Украину стратегически зависимой от Российской Федерации.

Такая перспектива должна подталкивать Киев к более тесному сотрудничеству с ЕС. Однако ситуация на европейском направлении выглядит не столь однозначно с точки зрения экономических интересов Украины. Зона свободной торговли (ЗСТ) с Европейским Союзом не даст Украине практически ничего – ни ощутимого роста экспорта (так как украинская промышленность на европейском рынке неконкурентоспособна, а сельскохозяйственная продукция едва ли

⁷ Эксперт: Включение Украины в Таможенный Союз станет частью предвыборного проекта Путина 19 апреля 2011 года // <http://belarus.regnum.ru/news/belarus/1396584.html>.

⁸ Пресс-конференция президента России, 18 мая 2011 года // <http://kremlin.ru/transcripts/11259>.

пробьётся туда по причине его перенасыщенности), ни реальной перспективы вступления в Евросоюз. ЕС сегодня не готов к рассмотрению вопроса о приёме Украины в свои ряды даже на обозримую перспективу, и при создании с ней ЗСТ ни на какие уступки (в плане предоставления экономических льгот и преференций) идти не собирается. То есть позиция Брюсселя заключается в следующем: либо вы делаете, как мы хотим, либо мы вообще ничего не делаем. Одновременно Украина, стремясь добиться успеха на Западе, рискует потерять для себя российский рынок и возможности поставок дешёвого газа. От вступления же в Таможенный Союз Украина получит как краткосрочную, так и долгосрочную выгоду. Как заявил В.Путин, такой шаг позволит украинской стороне получать дополнительный доход в размере 6,5-9 млрд. дол. в год (или 1,5-2% роста ВВП). В свою очередь ответственный секретарь комиссии Таможенного Союза С. Глазьев подсчитал, что выгода для Украины может составить 100 млрд. дол. в течение 10 лет. Заместитель председателя правления «Газпрома» В. Голубев отметил, что только на газе Киев, если бы вступил в ТС, смог бы сэкономить до восьми миллиардов долларов в год (а беспощинная нефть дала бы ещё 3 млрд. дол.).⁹ Кроме того, России в отличие от ЕС, нужна украинская промышленность (военная, авиационная, судостроительная и т.д.), так как сотрудничество с предприятиями соседнего государства в этих отраслях помогло бы Москве восстановить старые советские технологические цепочки и задействовать промышленный потенциал Украины в своих проектах.

Наконец, по ментальности, управленческим и поведенческим ориентирам, представителям администрации В. Януковича гораздо ближе, понятнее их российские, нежели европейские партнеры. Как справедливо отметил уже цитировавшийся выше Я. Пекло, «в салонах Брюсселя, Парижа, Берлина или Лондона украинские руководители не чувствуют себя комфортно. Демократию и верховенство закона они понимает скорее по-русски, чем по-европейски».¹⁰

Таким образом, Украина сталкивается со сложной и противоречивой ситуацией: экономическая необходимость толкает Киев в «объятия» России, а на другой чаше весов оказывается

⁹ См.: Путин оценил доходы Украины от вступления в Таможенный союз, 12 апреля 2011 года // <http://lenta.ru/news/2011/04/12/soyuz/>; Ключкин А. Когда нечего сказать, 13 апреля 2011 года // <http://www.lenta.ru/articles/2011/04/13/soyuz/>.

¹⁰ Воспроизведено по аудиозаписи Вильнюсской конференции «Перспективы и прогнозы сотрудничества в Евразии».

цивилизационный европейский выбор. При этом Украина, как и Белоруссия, находится в крайне выгодном географическом положении, теоретически создающем ей прекрасные возможности для того, чтобы иметь хороших партнеров и на Западе, и на Востоке. Однако сложная политическая ситуация на Украине, острые конфликты внутри правящей элиты не всегда позволяли украинским политикам действовать в рамках этой парадигмы. Так, В. Ющенко уже пробовал резко сдвинуть страну на Запад, попытавшись сломать историческую традицию зависимости Украины от России. Но он потерпел неудачу, и страна оказалась на грани гражданской войны. Для В.Януковича, который абсолютно не похож на идеалиста, задача переизбрания на второй срок может быть облегчена, если удастся добиться поставок дешевого газа для украинской экономики. Эта логика будет толкать его к достижению соглашения с Россией, и, скорее всего, на ее условиях. Однако, согласится ли с подобным решением большая часть украинских элит и массовых слоев населения, не желающих видеть свою страну в подчинении у России, этот вопрос остается открытым.

Подытоживая, следует заметить, что каким бы не был этот выбор (пусть даже в пользу России), сама модель политико-экономической реинтеграции постсоветского пространства, которую предлагает Москва, в перспективе все же представляется непривлекательной и неустойчивой. Как подчеркнул на конференции эксперт из Армении Карен Бекарян, «Россия сделала мало конструктивного в бывших республиках Советского Союза, но её деструктивная энергия позволила её усилить своё влияние во всём регионе».¹¹ Используя различные инструменты давления, Москва заставляет другие государства помимо их воли вступать в интеграционные объединения, фактически загоняя сопротивляющихся в угол. Это в полной мере относится и к Таможенному Союзу. Однако жизнеспособен ли союз, построенный во многом на вынужденной необходимости, а не на сознательном выборе? Опыт истории СССР указывает, скорее, на отрицательный ответ.

Тем не менее, в ТС, судя по заявлениям руководства страны, добровольно хочет вступить та же Кыргызстан, а в перспективе к Союзу может присоединиться и Таджикистан. Сделать такой выбор их тоже вынуждает необходимость, но связанная не столько с давлением со стороны России, сколько с крайне бедственным социально-экономическим положением двух стран. Поэтому эти страны рассчитывают, что интеграция принесет им больше пользы, нежели вреда. При этом утрата определённой доли самостоятельности,

¹¹Там же.

неизбежная с учётом привычки Москвы диктовать партнёрам свои условия, Бишкек и Душанбе, похоже, особо не смущает. И это не удивительно, принимая во внимание тот факт, что в России уже работает огромное количество трудовых мигрантов из этих стран. Многие из них находятся на территории Российской Федерации нелегально. В любой момент российские власти при желании могут начать депортировать их домой, что еще более ухудшит и без того так тяжёлое экономическое положение Кыргызстана и Таджикистана и усилит в них социальную напряжённость. При этом Китай как альтернативный России «спасательный круг» в этих странах не рассматривается, так как Пекин, предоставляя кредиты и делая инвестиции, не менее (если не более) требователен к государствам региона, чем Россия. Сближению Центрально-Азиатских стран с Китаем препятствует также фактор цивилизационной чуждости и нежелание Пекина принять на себя ответственность за будущее государств региона.

Однако среди постсоветских стран есть и такие, которые в принципе не приемлют российских неоимперских интеграционных проектов экономической направленности. Но даже в их случае всё выглядит не столь однозначно. Поэтому на странах, скептически относящихся к российским интеграционным инициативам, следует остановиться подробнее.

О тех, кто сбоку

Прежде всего, речь в данном контексте, конечно же, идёт о Грузии. С приходом к власти М. Саакашвили страна чётко обозначила свою ориентацию на евроатлантическую интеграцию, что совершенно несовместимо с неоимперскими планами Москвы. Августовская война 2008 года, несомненно, на долгое время осложнила отношения двух государств, а Грузия, по сути, оказалась в ситуации сложного выбора. Как справедливо отметил на Вильнюсской конференции тот же Карен Бекарян, интеграция Грузии «в западные структуры, особенно НАТО, будет более лёгкой, если она признает независимость Абхазии или Южной Осетии».¹² Однако отказываться от территорий бывших автономий М. Саакашвили, похоже, не намерен. И в этом его поддерживает абсолютное большинство граждан Грузии. Такая ситуация на руку России, поскольку она существенно осложняет вступление Грузии в НАТО. Кроме того, массовая поддержка

¹² Там же.

нынешнего президента в Грузии не абсолютна, и Москва, судя по всему, не оставляет надежд на то, что рано или поздно у руля страны встанет более лояльный России руководитель. Однако даже в этом случае трудно ожидать того, что Тбилиси немедленно изменит приоритеты своей внешней политики. Но, судя по всему, России это не очень и нужно. Москву вполне устроит менее конфликтное поведение Грузии, ее большая сговорчивость при решении различных конкретных вопросов, а, говоря проще, сбалансированное поведение без попыток в чём-то существенно ущемить интересы России в регионе (например, в области энергетики). Поэтому пытаться заставить Грузию участвовать в каких-то интеграционных проектах, Кремль в будущем, скорее всего, не станет, так как подобные попытки с учётом имеющейся напряжённости в отношениях двух стран лишь обострят ситуацию. И соответственно Тбилиси не будет стоять перед выбором украинского толка. Разве что Грузия сама сочтёт выгодным экономическое сближение с Россией, что в принципе может принести ей определённую пользу. Однако в настоящее время такая перспектива даже не просматривается.

Другим примером крайне скептического подхода к российским интеграционным проектам является собой Молдова. Как и власти Грузии, правящий в этой стране либерально-демократический «Альянс за европейскую интеграцию» видит ее будущее в составе «Большой Европы». Он активно выступает за присоединение Молдовы к ЕС. Но внутривнутриполитическая ситуация в республике остается неопределённой, что в решающей степени обусловлено острым противостоянием двух примерно равных по влиянию в обществе политических сил – коалиции демократических и либеральных партий, составляющих «Альянс за европейскую интеграцию», и Партии Коммунистов Молдовы (ПКМ). В результате с 2009 года парламенту так и не удается избрать президента республики. Однако главной проблемой страны, не решив которую, Молдова в перспективе не сможет вступить в Европейский Союз, является приднестровский конфликт. Но его нельзя урегулировать без согласия Москвы. Однако после того, как в 2003 году Кишинев отверг российские предложения по урегулированию, реализация которых вела бы к федерализации Молдовы (так называемый «план Козака»), Россия практически утратила интерес к решению этого конфликта. Российская стратегия заключается в сохранении ситуации неопределённости. Москва не заинтересована во вхождении Молдовы в Евросоюз, и ей выгодно затягивание приднестровского конфликта. В реализации своих целей Кремль вроде бы может опереться на ПКМ. Однако, как показывает опыт российско-молдавских отношений в период пребывания коммунистов у власти (2001-2009 годы), эта партия не является надёжным

партнером. После отказа президента Молдовы, лидера ПКМ М.Воронина, принять «план Козака», в двухсторонних отношениях неоднократно возникала напряженность, а официальный Кишинев предпринимал значительные усилия, чтобы уравновесить влияние Москвы сближением со странами Европейского Союза. Однако в последние годы, не сумев наладить конструктивные отношения с правящим «Альянсом за европейскую интеграцию», Россия снова стала рассматривать ПКМ как наиболее приемлемого партнера для реализации своих целей. Поэтому не исключено, что Москва опять может предложить ПКМ свое содействие в решении приднестровского вопроса с выгодой для Молдовы, взамен потребовав участия их страны в проектах экономической интеграции, которые продвигает Россия. Судя по всему, коммунисты Молдовы готовы к такому сотрудничеству. Тот же В. Воронин еще в сентябре 2010 года заявил: «Сейчас ситуация иная. Тот же проект Таможенного Союза превращается в часть реальной, реализуемой программы действий. В этом ключе попутно замечу, что проект Таможенного союза обладает не только исключительно экономическими эффектами, но и эффектами сугубо политическими. Ведь совершенно ясно, что возможное при определенных условиях подключение Молдовы к этому союзу чуть ли не автоматически решает нашу приднестровскую проблему, на 90% состоящую на сегодняшний день из проблем, скажем так, таможенных».¹³ Тем не менее, твердой гарантии того, что ПКМ в случае прихода к власти исполнит свои обещания, нет. Но и при и таком развитии событий Россия, если и не выиграет, то сохранит в своих руках «приднестровскую карту». В конце концов, непризнанное Приднестровье всегда может понадобиться ей для осуществления сложных дипломатических игр и «разменов» в отношениях с Европейским Союзом.

Раздражение Москвы вызывает и Узбекистан, который при нынешнем президенте И.Каримове пытается проводить многовекторную внешнюю политику, тем не менее, на практике больше напоминающую конъюнктурные непоследовательные метания между Россией и Западом. При этом экономическая система страны во многом остается закрытой, что фактически заставило Узбекистан приостановить своё членство в ЕврАзЭС, так оно требовало большей либерализации экономических отношений с партнёрами по организации. Соответственно, о вступлении Узбекистана в

¹³ Воронин пообещал России вступить в Таможенный союз», 28 сентября 2010 года // <http://dniester.ru/content/voronin-poobeshchal-rossii-vstupit-v-tamozhenny-soyuz>.

Таможенный Союз речи даже не велось. Однако рано или поздно этой стране придётся встать на путь экономических реформ. Кроме того, сложное экономическое положение Узбекистана просто вынуждает его искать пути конструктивного диалога с Россией, в которой трудится большое количество узбекских мигрантов и через территорию которой на внешние рынки поставляется узбекский газ. Без налаживания тесного сотрудничества с Россией и другими государствами, Ташкенту с его стремлением «жить обособленно» придётся остаться наедине со своими нарастающими проблемами. А это грозит тридцатимиллионной стране политической и социально-экономической катастрофой. И, если действия нынешнего главы государства ещё можно понять, так как он, по сути, стал заложником им же созданного авторитарного политического режима, то новому президенту Узбекистана в силу объективных причин придётся многое менять. И постепенное, осуществляемое параллельно проводимым реформам, экономическое сближение с Россией в данном контексте будет для Ташкента далеко не худшим вариантом. Поэтому в среднесрочной перспективе возможность вхождения Узбекистана в Таможенный Союз исключать нельзя.

Если говорить об Азербайджане, то он, обладая стратегическим запасом энергоресурсов, поступает так, как не смогла поступить Белоруссия, и не захотел поступить Казахстан. Другими словами, Баку во внешней политике может позволить себе действовать независимо, при этом сохраняя конструктивные и взаимовыгодные отношения как с Россией, так и с Западом. В целом Азербайджан проводит достаточно сбалансированную политику, например, выражая заинтересованность в реализации европейского газотранспортного проекта Nabucco и одновременно увеличивая продажи газа Москве, от которой в том числе зависит и решение карабахской проблемы. По сути, азербайджанская политика сегодня являет собой примерно то, что Россия хотела бы видеть в будущем у Грузии: – стратегической сбалансированности внешнеполитического курса без резких движений в ту или иную сторону по ключевым вопросам экономики, энергетики и безопасности.

Что же касается Армении, то существуют объективные препятствия для ее вовлечения в проекты экономической интеграции на постсоветском пространстве. Как отметил премьер-министр страны Т. Саркисян, «бессмысленно вступать в Таможенный Союз, потому что у Армении нет общей границы с ним. В международном опыте нет ни одного примера, когда без общих границ создаются таможенные союзы, поскольку теряется та экономическая выгода, которую могут иметь страны, чьи товары пересекают границу без таможенного досмотра».¹⁴ Но для России членство Армении в ТС не так уж и

важно, поскольку эта страна и так является одним из ближайших союзников Москвы и во многом зависит от неё как в военно-политическом, так и в экономическом плане.

Наконец, Туркменистан с момента обретения независимости занял по существу изоляционистскую позицию и не проявлял интереса к развитию экономического сотрудничества с соседними странами. Официально провозглашенный Ашхабадом нейтралитет был призван закрепить политическую и экономическую закрытость страны и ее принципиальный отказ от участия в деятельности каких-либо международных региональных объединений. Поэтому тему вовлечения Туркменистана в любые интеграционные проекты на данном этапе развития этой страны затрагивать просто бессмысленно, особенно с учётом не всегда «гладких» «газовых» отношений Ашхабада с Москвой и его стремления диверсифицировать экспортные потоки газа между Россией, Китаем и Евросоюзом. России для начала придётся приложить немалые усилия над тем, чтобы туркменский газ, который Москва реэкспортирует в ЕС, по крайней мере, не пошёл в Европу в обход российской территории¹⁵.

Россия сегодня хочет реинтегрировать под своим началом ключевые страны бывшего СССР – Казахстан, Белоруссию и Украину. И если Казахстан включается в интеграционные проекты по собственной инициативе, то Белоруссия это делает, скорее, по необходимости. Украина не стремится к участию в различных интеграционных объединениях, активно сопротивляется вовлечению в них, имея для этого более значительные ресурсы, чем Белоруссия. Отношение

¹⁴ Премьер Армении разъяснил, почему для Армении бессмысленно вступать в Таможенный Союз // 9 июня 2011 года // <http://www.panarmenian.net/rus/news/72111/>.

¹⁵ Тема энергетического сотрудничества стран Центральной Азии с Европой в контексте проекта Nabucco является достаточно сложной, и быстрых решений стратегического характера на данном направлении ждать не стоит. Однако, уже судя по оперативной реакции российского МИДа, заслуживает внимания, например, тот факт, что Евросоюз согласился начать переговоры с Азербайджаном и Туркменистаном по строительству транскаспийского газопровода, с помощью которого топливо будет поставляться в страны Европы по дну Каспийского моря. См.: ЕС вступил в переговоры о поставках по транскаспийскому газопроводу», 12 сентября 2011 года // <http://www.lenta.ru/news/2011/09/12/start/>; МИД РФ удивился желанию ЕС заняться «переделом» Каспия», 13 сентября 2011 года // <http://www.lenta.ru/news/2011/09/13/mid/>.

большинства других постсоветских государств к интеграционным инициативам различно. Одни пытаются решить с помощью участия в них свои сложные социально-экономические проблемы (Кыргызстан, в меньшей степени Таджикистан), другие колеблются, опасаясь утратить часть суверенитета (Узбекистан), третьи и вовсе связывают свое будущее с иными политическими и цивилизационными альтернативами (Грузия, Молдова).

Процесс подготовки этого материала, хронологически совпал со стартом нового интеграционного проекта на постсоветском пространстве, которому Москва, судя по всему, отводит ключевую роль в своих планах. На встрече в российской столице 18 ноября 2011 года президенты России, Казахстана и Белоруссии подписали документы о создании Евразийского Союза, который будет организован на базе уже существующих интеграционных объединений – ЕврАзЭС, Таможенного Союза, ЕЭП, ОДКБ. Главы трех государств договорились о формировании наднационального органа – Евразийской экономической комиссии. Она займется строительством институтов нового Союза. Пока сложно сказать, во что выльется этот проект. Если странам-участницам удастся в своей политике учитывать взаимные долгосрочные интересы, заинтересовать частный бизнес в участии в интеграционных процессах, то, возможно, со временем это приведет к возникновению на просторах северной Евразии нового крупного межгосударственного объединения. Если же Евразийский Союз будет строиться, как и прежде, преимущественно бюрократически, в угоду конъюнктурным интересам тех или иных властных групп, да еще с элементами принуждения в отношении отдельных государств, то, скорее всего, он повторит судьбу других интеграционных проектов, так и оставшихся на бумаге. Каким-то промежуточным результатом это вряд ли закончится. Третьего, как говорится, не дано.

Алексей Гарань
(Украина)

География и экономика: интеграция как выбор

После распада СССР многие западные и российские аналитики считали, что рано или поздно союз постсоветских государств может быть восстановлен – в той или иной форме. Одним из главных аргументов в пользу этого прогноза была тесная взаимосвязь экономик бывших союзных республик (результат целенаправленной политики Центра) и особенно их сильная зависимость от поставок российских энергоносителей.

Однако, несмотря на многовековое сосуществование в рамках одного государства, политические процессы в республиках бывшего СССР нельзя объяснить ни простыми историко-культурными факторами (концепцией «столкновения цивилизаций»), ни экономической зависимостью от России. В их основе лежит соотношение политических сил и позиция элит.

В Москве и некоторых других постсоветских столицах, прежде всего в Киеве, будущее СНГ видится совершенно по-разному – как реинтеграция и «цивилизованный развод», соответственно. В постсоветский период обретение независимости бывшими союзными республиками глубоко изменило статус в прошлом провинциальной элиты. Значительную часть этой элиты тревожила возможность возникновения в СНГ интеграционных тенденций, способных привести к созданию наднациональных структур и восстановлению российской гегемонии в новой форме.

Двадцать лет существования СНГ характеризовались не интеграционными экономическими проектами, а переориентацией новых независимых государств на других геополитических игроков. В первом

десятилетия 21 века экспортные поставки внутри СНГ составляли лишь около 17-19% совокупного экспорта входящих с него стран. Импортные закупки государств СНГ друг у друга с 2000 по 2010 год снизились с 46 до 26% от общего объема их импорта (см. таблицы 1-2). Даже у России товарооборот со странами Содружества в 2010 году составлял 14.6% от совокупного показателя, а ее крупнейшим торговым партнером был ЕС (49%).¹

От Прибалтики до Кавказа: выбор между Россией и Евросоюзом

В первой половине девяностых экономический спад подпитывал ностальгию по СССР. В 1994 году Александр Лукашенко выиграл президентские выборы в Беларуси, ведя кампанию под лозунгом восстановления связей между бывшими союзными республиками. Двумя годами позже был подписан договор об образовании Сообщества России и Беларуси, в 1997 году – договор о создании Союза двух стран, а в 1999 году – об учреждении «Союзного государства».

В ходе предвыборной кампании 1994 года Леонид Кучма также не раз употреблял формулировку «евразийское пространство» и активно набирал политические очки, высказываясь за развитие сотрудничества с Россией, прежде всего, в экономической сфере. С учетом событий в Беларуси многие эксперты тогда выражали озабоченность возможностью возвращения обеих стран «в Евразию».

Однако вскоре после победы на выборах Кучма продемонстрировал способность решать проблемы укрепления украинской государственности более эффективно, чем первый президент Леонид Кравчук. Ему удалось реструктурировать задолженность Украины Москве, ослабить сепаратистские силы в Крыму, а в 1997 году – подписать одновременно Договор о дружбе с Россией и Хартию об особом партнерстве с НАТО.

Поскольку российское влияние в Украине могло ограничить возможности украинской элиты, Киев флиртовал с идеей создания наднациональных интеграционных структур, но на деле сосредоточил внимание на развитии двусторонних отношений с другими странами СНГ. Хотя Украина является одним из «соучредителей» Содружества, формально она в него не входит, поскольку не ратифицировала Устав СНГ. Балансируя между Россией и Западом в рамках так называемой «многовекторной» внешней политики, Кучма начал осторожно продвигаться в «западном направлении».

¹ http://www.maxilog.su/infocenter/transport_news.php?ELEMENT_ID=784

Дистанцируясь от предшественников, чья политика оценивалась как чересчур «националистическая», постсоветские президенты «второго поколения» (Кучма в Украине, Алиев в Азербайджане, Лучинский в Молдове, Шеварднадзе в Грузии) продолжали следовать логике построения государственности.

После прихода к власти Владимира Путина в 1999 году стало очевидно, что неформальные личные отношения между лидерами России и других стран СНГ, характерные для ельцинской эпохи, ушли в прошлое, и добиться уступок от жесткого и прагматичного Путина, особенно по экономическим вопросам, будет гораздо труднее.

В 2000 году пять государств СНГ (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) образовали Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Украина предпочла иметь в нем лишь статус наблюдателя (аналогичным образом поступили Молдова и Армения). Киев подчеркивал: первым шагом должно быть создание в рамках СНГ зоны свободной торговли, поскольку соответствующее соглашение, подписанное в 1994 году, не было ратифицировано российским парламентом (российско-украинское соглашение о свободной торговле, заключенное в 1993 году, действует, но этот режим обставлен многочисленными исключениями).

В 2003 году Украина официально поддержала идею создания единого экономического пространства с Россией, Беларусью и Казахстаном, но опять же лишь в формате зоны свободной торговли, а не таможенного союза, поскольку последнее противоречило курсу Киева на вступление в ЕС. Очевидно также, что украинские «олигархи» не желают вновь оказаться в подчинении у Москвы – ведь в этом случае им пришлось бы соперничать с более мощными российскими деловыми структурами как на украинском, так и на международном рынке, где две страны зачастую ведут конкурентную борьбу друг с другом в одной и той же экономической «нише».

Хотя Россия остается основным торговым партнером Украины, ее доля в украинском товарообороте резко сократилась – с 47,5 % в 1994 году до 23,05% в предкризисном 2008-м. Украинский экспорт в Россию за тот же период снизился с 37,4 % до 23,5% от совокупного объема, а импорт из России – с 58,1 % до 22,7%. Однако в абсолютных цифрах ситуация выглядит по-иному. Товарооборот с Россией сократился с 17,8 миллиардов долларов в 1994 году до 11,7 миллиардов в 2001 году (то есть это произошло при Кучме), затем к 2004 году увеличился до 17,7 миллиардов, а к 2008 году – до 35,2 миллиардов. Таким образом, вопреки утверждениям российских лидеров о том, что «оранжевые» якобы чинили препоны украинско-российскому сотрудничеству, товарооборот между двумя странами с 2004 по 2008 год удвоился по общему объему, экспорт Украины в Россию вырос с

5,9 до 15,7 миллиардов долларов (то есть в 2,7 раза!), а импорт из России – с 11,8 до 19,4 миллиардов долларов.²

В то же время, несмотря на сравнительно небольшие объемы «открытых» инвестиций в украинскую экономику, российский бизнес активно использует фирмы, зарегистрированные на Украине, для вложения капиталов и усиления своего влияния. В этом плане самым «чувствительным» аспектом отношений с Россией для Украины остается энергетическая сфера. К примеру, в результате первой «газовой войны» зимой 2006 года России удалось не допустить прямого импорта туркменского газа в Украину, навязав ей непрозрачную посредническую компанию «РОсУкрЭнерго» (РУЭ), зарегистрированную в Швейцарии, где «Газпром» имел 50% акций. Зимой 2009 года разгорелась вторая «газовая война»: от РУЭ удалось избавиться, но Россия, прекратив транзитные поставки «голубого топлива» в Европу через Украину, навязала Киеву крайне невыгодное соглашение по газу.³

В Молдове сложилась парадоксальная ситуация. Коммунисты, находившиеся у власти в 2001-2009 годах, пытались найти противовес российскому влиянию, получить от Запада поддержку и финансовую помощь, и создать стимулы, побуждающие Приднестровье остаться в составе молдавского государства. В результате они официально провозгласили целью вступление в ЕС (Румыния присоединилась к Евросоюзу в 2007 году и служила примером для подражания). В 2005 году Кишинев и Брюссель подписали План действий, а в 2007 году – соглашение о либерализации визового режима (еще до этого многие молдаване получали румынские паспорта и без затруднений выезжали в страны ЕС). Курс на вступление в Евросоюз поддерживают 72% населения, на долю объединенной Европы приходится и более 45% товарооборота Молдовы (из стран СНГ схожим показателем может похвастаться только Россия)⁴.

После выборов 2009-2010 годов новое национально-демократическое правительство получило от Брюсселя в виде «пряника» план действий по переходу на безвизовый режим и согласие

² Данные взяты с государственных сайтов www.ukrstat.gov.ua и www.me.gov.ua

³ Российские СМИ развязали против Украины настоящую пропагандистскую войну. В результате по данным опроса, проведенного российским «Левада-центром» в начале 2009 года, 62% россиян заявили о негативном отношении к Украине. Она заняла третье место – после США и Грузии – в списке «недружественных стран».

⁴ *Pro et contra*, № 3-4, 2011, с. 60; <http://www.statistica.md/newsview.php?l=ru&idc=168&id=3490>

на начало переговоров об ассоциации с ЕС. По некоторым признакам интерес ЕС к Молдове усиливается: после того, как в 2010 году правозащитная организация Freedom House перевела Украину из разряда «свободных» стран в категорию «частично свободных», она уступила Молдове первое место в рейтингах уровня демократии на пространстве СНГ.

Даже президент Беларуси Лукашенко отлично понимал, что Россия не воспринимает его как равного партнера, «Союзное государство» существует только на бумаге, и, главное, усиление позиций России в белорусской экономике угрожает его власти. В то же время, вопреки стереотипным представлениям, Беларусь вполне открыта для Запада: на его долю приходится почти 50% экспорта этой страны. 87.5 % белорусов в возрасте до 30 лет выезжали в страны ЕС. В 2009 году на 21 белоруса приходилось по одной шенгенской визе; на втором месте среди стран СНГ находилась Молдова (1 виза на 29 граждан), на третьем – Украина (1 на 41 гражданина).⁵

Тем не менее после президентских выборов 2010 года отношения Лукашенко с Западом вновь испортились, а угроза дефолта, нависшая над Беларусью весной 2011 года, дала России новые возможности в ее усилиях по обретению полного контроля над белорусской газотранспортной системой, нефтеперерабатывающими заводами и др. Появились сигналы, свидетельствующие о том, что в данной ситуации Лукашенко может прибегнуть к своей обычной тактике: отпустить часть политзаключенных в обмен на экономическую помощь Запада.

Три государства Южного Кавказа, похоже, движутся в разных направлениях. На одном «полюсе» располагается Армения, чьи возможности выбора весьма ограничены: ее природные ресурсы скудны, политических и экономических реформ в стране не проводится, из-за двадцатилетнего Карабахского конфликта она находится в экономической изоляции, и по той же причине у Еревана нет иного выхода, кроме опоры на Россию в вопросах безопасности и участия в Ташкентском договоре о коллективной безопасности, заключенном в 1992 году.⁶ В то же время Армения ограничивает свое участие в ЕврАзЭС статусом наблюдателя. Экспорт Армении в страны СНГ в 2010 году составлял менее 20% от общего объема, а импорт – около 30%.

На противоположном «полюсе» оказалась Грузия: она вышла из всех организаций, возглавляемых Россией. Несмотря на авторитарные

⁵ *Pro et contra*, № 3-4, 2011, с. 32.

тенденции при Саакашвили, Грузия – единственное постсоветское государство (за исключением стран Балтии), добившееся успехов в борьбе с коррупцией, реформировании полиции и устранении бюрократических препон на пути развития бизнеса. Официальная цель Тбилиси – вступление в ЕС и НАТО – поддерживается большинством населения страны.

Где-то между Арменией и Грузией расположился Азербайджан – страна, обладающая богатыми нефтяными ресурсами. Баку старается не осложнять отношения с Москвой, но в то же время воздерживается от участия в российских интеграционных инициативах (как в экономике, так и в сфере безопасности).

Грузия и Азербайджан стали членами образованной в 1997 году организации ГУУАМ, в которую входили также Украина, Узбекистан и Молдова (Узбекистан покинул ее в 2005 году, после «цветных революций», в результате чего из этой аббревиатуры исчезла одна буква «У», а с 2006 года она называется «Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ»). В основе ГУУАМ лежала идея создания альтернативы российским источникам энергопоставок и маршрутам их транспортировки из Прикаспия в Европу. Организация получила поддержку Запада и расценивалась некоторыми аналитиками как «антипод» ЕврАзЭС. Неудивительно, что Москва считала ГУУАМ антироссийским объединением. В 2001 году страны-участницы подписали Хартию ГУУАМ. Тем не менее, альтернативный энергетический коридор до сих пор не создан, и организация остается аморфной как в экономическом, так и в политическом плане.⁷

Анализируя причины, препятствующие глубокой экономической модернизации и демократизации в странах СНГ, Андрей Рябов предположил, что там возникла новая реальность – «постсоветский капитализм». Постсоветские государства – хотя они и избирают разную геополитическую ориентацию – объединяет стремление их элит к стабильности собственной власти. На руку Москве играют последние

⁶ В 2002 году на его основе была создана Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

⁷ Еще меньшую дееспособность продемонстрировало Содружество демократического выбора (СДВ), учрежденное в Киеве при поддержке Запада в 2005 году, после «цветных революций». Его целью было создание «сообщества демократий балто-черноморско-каспийского региона», а соучредителями выступили Украина, Молдова, Грузия, три прибалтийских государства, Словения, Македония и Румыния. Однако ключевую роль в будущем СДВ играло развитие событий в Украине, а там «оранжевые» вместо проведения реформ погрязли в борьбе за власть. В результате эта инициатива оказалась недолговечной.

геополитические тенденции: сосредоточенность США на ситуации в Иране и Афганистане, а также обамовская «перезагрузка»; мировой экономический кризис; проблемы с расширением ЕС и, что весьма немаловажно, тот факт, что «цветные революции» не увенчались построением стабильной демократии в тех странах, где они произошли. Пока что Россия обладает рядом преимуществ, связанных с экономической и энергетической зависимостью стран СНГ от России, трудовой миграцией в эту страну, ролью российского рубля, безвизовым режимом в рамках Содружества, статусом русского языка как средства межгосударственных контактов на официальном уровне, и влиянием российских СМИ на неформальном общем информационном пространстве.⁸

С другой стороны политика расширения ЕС превратила его в серьезного игрока на постсоветском пространстве и притягательный «магнит» для стран Западного СНГ. В то же время Брюссель последовательно воздерживался от любых заявлений о возможности их вступления в Союз. В рамках Европейской политики добрососедства (ЕПД), разработанной Евросоюзом в 2004 году, государства Западного СНГ были отнесены к той же категории, что и страны Северной Африки и Ближнего Востока, чье членство в ЕС не предусматривается.

В мае 2009 года в Праге ЕС выступил с инициативой «Восточное партнерство», адресованной Армении, Беларуси, Азербайджану, Грузии, Молдове и Украине. В настоящее время Брюссель ведет со всеми этими странами (за исключением Беларуси) переговоры по соглашениям об ассоциации.⁹ Кроме того, ЕС начал диалог о безвизовом режиме с Украиной (Киеву соответствующий План действий был предложен в 2010 году) и Молдовой, а также обсуждает соглашения об упрощении визовых процедур с Грузией, Арменией и Азербайджаном. Однако прямой связи между демократизацией в этих странах и

⁸ Андрей Рябов, ««Распадающаяся общность» или целостный регион?», *Pro et contra*, № 3-4, 2011, с. 13, 16-17.

⁹ Судя по всему, они не будут напоминать те Европейские соглашения об ассоциации, что ЕС подписывал с рядом государств Центральной и Восточной Европы (Польшей, Румынией и другими в первой половине 1990-х, или западнобалканскими странами в конце того же десятилетия), которые предусматривали в перспективе их присоединение к Союзу. На тот момент Румыния и Болгария, не говоря уже о беспокойных Западных Балканах, находились не в лучшем состоянии, чем Украина после «оранжевой революции». Таким образом, решения Брюсселя определялись в первую очередь политическими, а не экономическими соображениями.

«пряниками» в форме сотрудничества с ЕС, судя по всему, не существует. Об этом наглядно свидетельствует ухудшение их рейтингов (исключение составляет Молдова) по версии Freedom House.¹⁰

Восточное партнерство вызвало негативную реакцию России, хотя прежде она на официальном уровне заявляла, что не возражает против европейской интеграции и даже вступления Украины в ЕС (возможно из-за нереальности подобного развития событий). Но еще резче Россия отреагировала тогда, когда Украина начала продвигаться к подписанию Соглашения об ассоциации с Евросоюзом (это произошло в конце 2011 года). Данное соглашение, в частности, предусматривает создание сторонами «углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли» (УВЗСТ).

Став президентом Украины в феврале 2010 года, Виктор Янукович, делавший в ходе предвыборной кампании пророссийские заявления, пошел на существенные уступки Москве по весьма чувствительным для нее вопросам. В соответствии с Харьковскими соглашениями, заключенными в апреле 2010 года, Россия снизила расценки за поставляемый Украине газ примерно на треть (на 100 долларов за 1000 кубометров). Взамен аренда российской военно-морской базы в Севастополе был продлена на 25 лет (после 2017 года, когда истечет срок первоначального соглашения) с последующим автоматическим пролонгированием каждые пять лет.¹¹

Однако этот результат не соответствовал первоначальным ожиданиям российской стороны. Кроме того, Россия озабочена тем, что Янукович может постепенно перейти к «новому изданию» мн-

¹⁰ Nicu Popescu and Andrew Wilson, 'Turning presence into power: lessons from the eastern neighbourhood', *ECFR's policy brief*, 31, 2011, p.2.

¹¹ В то же время эта экономия для Украины оформляется как списание части ее долга российскому государству. В соответствии с соглашением украинская задолженность будет списана к 2042 году, и это будет составлять арендную плату за военно-морскую базу. Более того, соглашение по газу не меняет постоянной формулы исчисления цены на «голубое топливо», о чем просил Янукович; таким образом, любые скидки определяются в одностороннем порядке российским правительством, и их размер может быть изменен также в одностороннем порядке.

Среди других важных уступок можно назвать принятие в июле 2010 года Закона об основах внутренней и внешней политики Украины, где закрепляется «внеблоковый» статус страны, что исключает ее вступление в НАТО (об этой цели заявил еще Кучма в 2003 году). В гуманитарной сфере Янукович отверг тезис о том, что Голодомор 1933 года на Украине был актом геноцида, солидаризируясь тем самым с позицией Москвы по этому вопросу.

оговекторной внешней политики. Москва заявила: если Украина присоединится к Таможенному союзу (инициирован Россией, Беларусью и Казахстаном в 2007 году, начал действовать в 2010 году), то взамен она получит дополнительные экономические преференции, снижение расценок на газ и отказ Москвы от реализации проекта «Южный поток».¹² Однако участие в Таможенном союзе (ТС) и УВЗСТ с Евросоюзом несовместимы; более того, члены ТС не входят в ВТО (к которой Украина присоединилась в 2008 году). Янукович заявил, что сотрудничество с ТС будет ограничиваться формулой «3+1» (то есть Украина не станет его членом). Москва отвергла этот вариант и усилила давление на Киев: в качестве альтернативных уступок ему было предложено передать России контроль над украинской газотранспортной системой или согласиться на слияние «Нафтогаза» с «Газпромом». Все это свидетельствует о том, что Москва всерьез опасается сближения Украины с ЕС и стремится сохранить за собой стратегические рычаги влияния на эту страну.

Вопреки стереотипным представлениям российских элит членство постсоветских государств (стран Балтии) в НАТО и ЕС внушает им чувство безопасности и способствует развитию взаимовыгодных отношений между ними и Москвой. Россия, в частности, даже стала крупнейшим торговым партнером Литвы¹³. Между двумя странами существует потенциал сотрудничества в снабжении Европы топливом (например, с использованием Мажейкяйского нефтеперерабатывающего завода) и в обеспечении гарантированного транзита между Европой и странами Центральной Азии через прибалтийские порты и территорию России (включая транспортировку натовских грузов невоенного назначения в Афганистан).

Авторитарные режимы и геополитическое соперничество в Центральной Азии: интеграции с Россией нет альтернативы?¹⁴

В советскую эпоху экономика пяти стран Центральной Азии сильно зависела от скрытых субсидий в форме межреспубликанского

¹² Наряду с уже действующим «Северным потоком» этот трубопровод должен обеспечить транспортировку газа в обход украинской территории. Однако перспективы данного проекта пока неясны.

¹³ В 2010 году доля России в товарообороте Литвы составляла 24.6%. За ней шли Германия (10.4%), Польша (8.3%) и Латвия (7.8%) (rustrade.lt/wp-content/uploads/2011/04/Vneshniya_torgovlya_2010.doc).

¹⁴ Данный раздел основан на материалах, представленных Борисом Фрумкиным в ходе круглого стола «Проекты и перспективы сотрудничества в Евразии» (Вильнюс, 24-27 февраля 2009 года).

товарооборота и еще больше – от прямой помощи из бюджета СССР. В обоих случаях роль главного донора играла Российская Федерация. Прямое субсидирование было по сути прекращено с 1994 года, а косвенные торговые субсидии значительно сократились.

Сырьевые ресурсы в этом регионе распределены крайне неравномерно. Гористые Кыргызстан и Таджикистан бедны минеральным сырьем, но контролируют 70% водных ресурсов Центральной Азии и истоки ее рек. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан обладают большими запасами нефти и газа, но вода там в дефиците. В советские времена основные сектора народного хозяйства этих стран создавались в рамках регионального разделения труда: в Таджикистане производилась электроэнергия, в Казахстане – зерно, а в остальных трех республиках – хлопок. Однако ныне межреспубликанские связи стали межгосударственными, что серьезно осложняет функционирование этой системы.

Границы стран региона также унаследованы от СССР и во многом носят искусственный характер. Это ведет к межэтническим трениям, напряженности в межгосударственных отношениях и даже конфликтам. Хотя государства Центральной Азии имеют общую многовековую историю и религию, этнические и культурные различия между ними весьма глубоки. Из всех стран региона только Казахстан время от времени выступает с теми или иными интеграционными инициативами регионального масштаба, но эти попытки как правило наталкиваются на сопротивление Ташкента. Узбекистан расположен в самом центре Центральной Азии и объективно должен бы играть объединяющую роль в регионе, но на деле служит своего рода источником раздора.

Для стран региона характерны авторитарная политическая система на клановой основе, большой разрыв в социально-экономическом положении элиты и основной части населения, а также серьезные различия между сельской местностью и городами по уровню и образу жизни. Это оборачивается экономической неопределенностью и политической нестабильностью внутри большинства государств Центральной Азии, а также в их отношениях друг с другом и остальным миром.¹⁵

¹⁵ Пожалуй единственным исключением является Казахстан: в этом государстве политическая обстановка стабильна, оно активно действует и пользуется влиянием на международной арене, а также демонстрирует стабильный экономический рост (в отличие от других стран Центральной Азии Казахстан входит в первую сотню стран мира по объему ВВП на душу населения). Любопытный факт: совокупные казахские инвестиции в России в несколько раз превышают по объему российские инвестиции в Казахстане.

Социально-политическая напряженность создает в этих в прошлом светских государствах плодородную почву для распространения исламского фундаментализма. Если Россия действует прежде всего в военной и экономической областях, пытаясь придать легитимность конкретным политикам, и как правило, не «углубляется» в другие социальные сферы, то ислам весьма эффективно заполняет идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР. Прежде исламисты действовали через террористические сети и организации, но теперь они все активнее проявляют себя на низовом уровне, в социальной и финансовой сфере.

Связи России с пятью государствами Центральной Азии развиваются на разных уровнях и в разных форматах: на двусторонней и многосторонней основе. Все страны региона являются членами СНГ.¹⁶ Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан входят в ЕврАзЭС.¹⁷ Россия активно использует многосторонне структуры этой организации, например, Евразийский банк развития (включая его Фонд технического содействия) и Антикризисный фонд ЕврАзЭС, располагающий 10 миллиардами долларов (основную часть этой суммы внесли Россия и Казахстан) для кредитования стран-участниц. Казахстан также участвует в Таможенном союзе с Россией и Беларусью. Созданная в 2001 году Шанхайская организация сотрудничества включает Россию, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Москва стала союзницей центрально-азиатских режимов, помогая им удержаться у власти и защититься от потенциальных внешних угроз. Поэтому страны Центральной Азии, развивая новые направления геополитического сотрудничества, одновременно сохраняют традиционные связи с Россией и укрепляют их военно-политические аспекты через Организацию договора о коллективной безопасности (в нее входят четыре из пяти стран региона¹⁸) и Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ, в состав которых входят казахский, киргизский и таджикский контингенты.

Для большинства из этих стран Россия по-прежнему остается

¹⁶ В 2005 году Туркменистан заявил, что будет участвовать в его деятельности лишь в качестве «ассоциированного члена».

¹⁷ В 2006 году к Сообществу присоединился Узбекистан, но двумя годами позже он приостановил свое участие в этой организации.

¹⁸ Туркменистан провозгласил себя нейтральным государством. Узбекистан был участником Договора в 1992-1999 годах, и вновь вступил в ОДКБ в 2006 году после волнений в Андижане.

первым или вторым по значению торговым партнером. Сегодня на долю центрально-азиатских государств приходится около половины ее товарооборота со странами СНГ; в свою очередь две трети от объема товарооборота республик Центральной Азии со странами СНГ составляет торговля с Россией. Необходимо отметить, однако, что создание Таможенного союза пока не привело к резкому росту торговли между его странами-участницами. В 2010 году доля Казахстана и Беларуси во внешнеторговом обороте России составляла лишь 7% (для сравнения – доля стран организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества равна 23%, а Китая – 9,5%).¹⁹

В начале «нулевых» на центрально-азиатской арене появились другие игроки глобального (например, Китай, ЕС и США) и регионального уровня (Турция, Иран). Пока что их влияние по-прежнему уступает российскому. Отчасти это связано со спецификой региона, а отчасти – с конкретными интересами новых игроков. В качестве рынка сбыта Центральная Азия обладает ограниченным потенциалом. Совокупная численность населения пяти государств сравнительно невелика (вдвое меньше, чем у России и лишь на треть больше, чем у Польши и стран Балтии), их жители бедны (в четырех из пяти стран региона 30-60% граждан живут за чертой бедности). Китай и ЕС заинтересованы прежде всего в гарантированных поставках нефти и газа для собственной экономики. Другие сектора и местные потребительские рынки сбыта для них менее привлекательны. США заботит прокладка маршрутов транспортировки энергоносителей из Центральной Азии в Европу в обход России, но больше всего они заинтересованы в использовании территории некоторых центральноазиатских стран для снабжения натовского контингента в Афганистане, а также в ослаблении политического влияния России, Китая, и особенно Ирана в регионе.

В отличие от большинства новых игроков из других регионов мира, у России существуют давние и многообразные связи, а также более широкий спектр общих экономических и политических интересов со всеми пятью странами Центральной Азии. Однако Москва не хочет быть донором и арбитром в спорах между этими государствами: ведь в этой роли она рисковала бы вызывать их постоянное недовольство. Она желает быть для них стратегическим инвестором и партнером, координировать принятие решений по важным региональным проблемам, затрагивающим и саму Россию.

¹⁹ http://www.maxilog.su/infocenter/transport_news.php?ELEMENT_ID=784

Прежде всего, это касается энергетического сектора. В данной сфере конкуренция между Россией и новыми игроками особенно заметна. Мировой экономический кризис замедлил реализацию проектов по увеличению нефтегазовых поставок из Казахстана, Туркменистана и Узбекистана в Россию. В то же время перенос акцента на импорт энергоносителей в Китай и привлечение китайских инвестиций дал бы КНР возможность взять под контроль значительную часть энергетического сектора Туркменистана и Казахстана, чего элиты обеих стран не без оснований опасаются. ЕС, в свою очередь, находится слишком далеко, а предложения Ирана носят слишком политизированный характер.

Москва же, напротив, заинтересована в гарантированном снабжении электричеством энергоемких отраслей региона, куда вложены российские капиталы (например, цветной металлургии), а также импортирует оттуда электроэнергию для использования промышленными предприятиями Урала и Сибири. Россия также контролирует основные трубопроводы, по которым экспортируется центральноазиатский газ. Украина, в частности, предпочла бы закупать «голубое топливо» не у России, а напрямую у Туркменистана, что обошлось бы дешевле, но его транзит пока может осуществляться только через российскую территорию, поэтому Москва по-прежнему способна блокировать такие попытки.

В отличие от новых игроков, Россию в регионе интересуют не только добывающие сектора, но и обрабатывающая промышленность. Это в первую очередь относится к машиностроению, включая, к примеру, автомобильную и авиационную промышленность, где еще с советских времен сохранилась хорошая техническая и кадровая база (в Узбекистане, Казахстане и отчасти в Кыргызстане). Пока что Россия не может предложить в этой области по-настоящему «прорывных» инноваций, но и спрос на передовые технологии в пяти центральноазиатских странах все еще невелик.

В то же время Россия представляет собой многообещающий рынок сбыта для продукции легкой промышленности этих стран и других отраслей, вытесняемой с других рынков дешевыми китайскими товарами. Это относится и к сектору услуг, особенно телекоммуникационных и транспортных. Так, доля Центральной Азии на рынке мобильной телефонной связи СНГ составляет около 30%. Хотя все больше студентов из пяти государств региона сегодня обучается на Западе, в мусульманских странах и Китае, российский рынок образовательных услуг сохраняет для них привлекательность. Выбору в пользу российских ВУЗов способствует и тот факт, что в Центральной Азии позиции русского языка и русской культуры по-прежнему сильны.

Россия вместе с Казахстаном может содействовать и решению

проблем продовольственной безопасности в регионе. Таджикистан, к примеру, за счет собственных ресурсов способен удовлетворить лишь 20% потребности своего населения в продуктах питания. Россия могла бы восстановить «зеленый конвейер», действовавший в советские времена, обеспечивая себя овощами и фруктами из Центральной Азии в обмен на поставки зерна и минеральных удобрений.

Центрально-азиатские страны страдают от массовой безработицы. Две трети трудовых мигрантов, работающих в России – выходцы из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Россия получает из этих стран дешевую рабочую силу, а те, в свою очередь, значительные суммы, которые гастарбайтеры переводят на родину. В Таджикистане эти заработки являются главным источником дохода почти для половины семей. Более того, многие из трудовых мигрантов овладевают в России профессией или новыми навыками. Со временем приток мигрантов станет лучше регулироваться в плане количества и качества, в зависимости от потребностей российского рынка труда, но с учетом негативных демографических тенденций в стране он останется значительным. Существуют, однако, опасения, что это может обернуться для России ростом наркоторговли и исламского экстремизма.

Наряду с перечисленными интеграционными возможностями в регионе существуют, как мы уже отмечали, и факторы, работающие против интеграции:

- слабость и коррумпированность экономик центральноазиатских государств, усиление роли исламского радикализма в обществе;
- источником современных технологий и методов управления, необходимых для глубокой модернизации, считается не Россия, а Запад; в то же время Россия воспринимается как союзница авторитарных и коррумпированных режимов;
- внутри- и межгосударственные конфликты в Центральной Азии, чреватые для внешних игроков риском (соблазном) вмешательства; борьба за сферы влияния между ними.

Все перечисленное серьезно препятствует интеграционным процессам в регионе.

Выводы

Группы, находящиеся у власти на постсоветском пространстве, объединяют экономические, культурные и исторические связи, а также сходная модель «постсоветского капитализма» и обусловленные ею политические и психологические пристрастия. В то же время эти элиты стремятся сохранить независимость. В результате некоторые страны поддерживают интеграционные тенденции (например, Россия, Беларусь, Казахстан, отчасти другие центральноазиатские государства

и в определенной степени Армения), а остальные (Украина, Азербайджан, Молдова, Туркменистан, не говоря уже о Грузии) предпочитают отношения на двусторонней основе.

Со времен прихода к власти Путина политика России в регионе стала куда более напористой. Это диктуется прагматическими соображениями, в первую очередь экономического порядка (хотя по-прежнему проводятся и символические акции, призванные продемонстрировать «лидерство» России). Экономический кризис 2008-09 годов ослабил постсоветские государства и создал определенные возможности для укрепления влияния России в регионе. Однако привлекательность России в глазах новых независимых государств снижается: ее собственная модернизация пока не увенчалась успехом, и не проводится демократическими методами (последнее, впрочем, облегчает правящим элитам объединение усилий в борьбе с демократизацией). Так или иначе, в геополитическом плане все страны бывшего СССР (включая Россию) прошли определенный путь по направлению к другим центрам сегодняшнего мира. Серьезной вехой в этой конкурентной борьбе станет выбор, который предстоит в будущем сделать Украине. Однако в условиях взаимозависимого мира, сталкивающегося с общими вызовами, такое соперничество не следует рассматривать как «антагонистическую игру».

Официальная статистика СНГ (<http://www.cisstat.com/>)

(данные по внешней торговле Узбекистана не представлены, Грузия и Туркменистан не входят в СНГ)

Приложение

Таблица 1.

Доля стран СНГ и других государств в совокупном экспорте стран Содружества (в %)

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010 ¹
Азербайджан							
Страны СНГ	13	21	15	18	3	8	9
Другие страны	87	79	85	82	97	92	91
Армения							
Страны СНГ	24	19	22	31	31	19	19
Другие страны	76	81	78	69	69	81	81
Беларусь							
Страны СНГ	60	44	44	46	44	44	55
Другие страны	40	56	56	54	56	56	45
Казахстан							
Страны СНГ	27	15	15	17	16	16	11
Другие страны	73	85	85	83	84	84	89
Кыргызстан							
Страны СНГ	42	45	53	57	55	45	38
Другие страны	58	55	47	43	45	55	62
Молдова							
Страны СНГ	59	51	40	41	39	38	40
Другие страны	41	49	60	59	61	62	60
Россия							
Страны СНГ	13	14	14	15	15	15	14
Другие страны	87	86	86	85	85	85	86
Таджикистан							
Страны СНГ	48	20	13	16	16	21	13
Другие страны	52	80	87	84	84	79	87
Украина							
Страны СНГ	31	31	33	38	36	34	37
Другие страны	69	69	67	62	64	66	63
В целом по СНГ							
Страны СНГ	19	17	17	19	18	19	18
Другие страны	81	83	83	81	82	81	82
¹ январь-ноябрь							

Таблица 2.
Доля стран СНГ и других государств в совокупном импорте стран Содружества (в %)

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010 ¹
Азербайджан							
Страны СНГ	32	34	40	33	33	30	31
Другие страны	68	66	60	67	67	70	69
Армения							
Страны СНГ	20	29	32	33	30	31	30
Другие страны	80	71	68	67	70	69	70
Беларусь							
Страны СНГ	70	67	65	66	66	64	59
Другие страны	30	33	35	34	34	36	41
Казахстан							
Страны СНГ	54	47	47	45	46	42	35
Другие страны	46	53	53	55	54	58	65
Кыргызстан							
Страны СНГ	54	57	51	55	54	56	54
Другие страны	46	43	49	45	46	44	46
Молдова							
Страны СНГ	33	39	38	36	35	35	32
Другие страны	67	61	62	64	65	65	68
Россия							
Страны СНГ	34	19	16	15	14	13	13
Другие страны	66	81	84	85	86	87	87
Таджикистан							
Страны СНГ	83	65	64	63	56	57	59
Другие страны	17	35	36	37	44	43	41
Украина							
Страны СНГ	58	47	45	42	39	43	44
Другие страны	42	53	55	58	61	57	56
В целом по СНГ							
Страны СНГ	46	33	31	28	27	27	26
Другие страны	54	67	69	72	73	73	74
¹ январь-ноябрь							

Григорий Амнуэль
(Россия)

Гуманитарные проблемы на постсоветском пространстве: их истоки, и возможности преодоления

Рассматривать гуманитарные проблемы во взаимоотношениях между новыми национальными государствами, возникшими после распада СССР, нельзя в отрыве от советской истории. И эти проблемы тем сложнее и серьёзней, чем дольше в той или иной стране, а в советскую эпоху союзной республике, существовала власть Коммунистической партии. Не менее важны для понимания гуманитарных проблем, разделяющих ныне народы и государства, те методы, которыми различные страны были присоединены к СССР и тяжелые испытания, через которые пришлось пройти их жителям в советский период. И до сих пор историческая память о пережитом оказывает сильнейшее воздействие на политическое сознание народов бывшего СССР, на их отношение к современной России как правопреемнице Советского Союза. Для Балтийских стран вопрос о том, считать ли период их пребывания в составе СССР оккупацией, является принципиальным. Для Украины признание голодомора начала 30-х годов как результата государственной политики советской власти во многом становится «лакмусовой бумажкой» отношения к России. Для Грузии история «разгрома левого независимого правительства» Первой Республики в 1921 году, подавления народного восстания 1924 года, «сапёрных лопаток», которыми войска разогнали мирный митинг сторонников демократизации, состоявшийся в Тбилиси 9 апреля 1989 года, и конечно августовская война 2008 года, сливаются в единую цепь событий. Именно эти события во многом и предопределили

стремление народа Грузии дистанцироваться от России, и обрести гарантии безопасности в составе блока НАТО. Есть серьёзные «травмы» исторической памяти и у других народов и стран. С существенными внутривнутриполитическими проблемами, затрагивающими фундаментальные основы государственности и формирования новой, постсоветской идентичности, сталкиваются Молдова и Приднестровье. Эти проблемы также уходят своими корнями в советское прошлое. Азербайджан и Армения постоянно балансируют на грани новой войны, так и не найдя путей к нормализации отношений. Острый конфликт между двумя Южно-Кавказскими государствами в решающей степени обусловлен последствиями территориального размежевания между этими бывшими союзными республиками, осуществленного в годы Советской власти. Проблемы, возникшие в результате территориально-этнического размежевания, доставшегося от СССР, остро стоят и в государствах Центральной Азии. В Ферганской долине даже существуют этнические анклав, полностью отделенные от своих национальных государств территориями соседних стран. Это обстоятельство усиливает напряженность в межгосударственных отношениях в регионе. Северный Кавказ, многие проблемы которого восходят к советской эпохе (административные границы между республиками, сталинские депортации целых народов и др.) фактически превратился в зону боевых действий и партизанской войны. На внутривнутриполитических конфликтах в нынешней Белоруссии также сказывается влияние событий советской истории.

Таким образом, постсоветское пространство насыщено конфликтами, в значительной степени обусловленными тем, что далеко не все новые национальные государства согласны с границами, сложившимися между ними после распада СССР. У ряда стран есть претензии к России по вопросам, связанным с наследием бывшего имперского центра. В принципе такая ситуация достаточно типична для межгосударственных отношений на постимперском пространстве. В свою очередь для многих граждан России потеря их страной былого имперского величия стала источником постоянного раздражения и претензий к окружающему миру. Рецидивы подобных представлений, основанных на убежденности в том, что Россия – это вечно «осажденная крепость», окруженная врагами, регулярно проявляются как в большой политике, так и в массовых настроениях. Можно ли как-то изменить систему отношений, основанную на взаимных претензиях и фобиях, создать условия для установления нормальных, базирующихся на доверии и уважении друг к другу, контактов между народами и государствами?

Переписать заново историю, безусловно, не получится. Нет у современных государств и возможности в одностороннем порядке

фальсифицировать историю. В эпоху глобализации, когда информационное пространство является открытым и существуют многочисленные альтернативные источники информации, как бы ни старались в той или иной стране сокрыть или «припудрить» некоторые исторические события – все равно этого сделать не удастся. Только совместная скрупулезная работа над изучением исторического прошлого, попытки интерпретировать национальную историю таким образом, чтобы они учитывали и позицию другой стороны, могут дать положительный результат. Лучшим примером успеха такого подхода является опыт исторического примирения Франции и Германии, Польши и Германии. Готовы ли постсоветские государства идти по этому пути? Это открытый вопрос, который пока, с моей точки зрения, не имеет однозначного ответа. Да, в последнее время в некоторых странах созданы двухсторонние комиссии по освещению «трудных вопросов» совместной истории, и даже предпринята попытка выпуска книг и учебников, авторы которых представляют взгляд на ту или иную проблему с позиций разных государств. Однако это не дает оснований утверждать, что ситуация взаимных претензий и разногласий уже пройдена. Тем более, что практическая политика часто идёт в разрез с работой исторических комиссий. Пожалуй, положительным моментом является то, что во всех странах уже появилось достаточное количество граждан, понимающих, что дальнейшая фальсификация истории породит только новые проблемы.

Основные противоречия во взглядах на совместную историю заключены в различных оценках ее событий. Для одних крах СССР по-прежнему является величайшей трагедией, «геополитической катастрофой», для других, наоборот, поворотным моментом исторического развития, открывшим путь к национальному возрождению страны. Кто же все-таки прав? С одной стороны, насильственная советизация, бесспорно, является трагической страницей истории. С другой стороны, трудно не согласиться с тем, что в рамках СССР бывшие союзные республики достигли заметных успехов в социально-экономическом и культурном развитии. Однако сторонники второй точки зрения забывают и даже не хотят слышать о том, что многие успехи были достигнуты зачастую вопреки, а не благодаря политике тоталитарной власти. А вот попытка насаждения единой для всех коммунистической идеологии, принявшей характер языческой веры, тотальный диктат партийных и государственных органов над обществом являются безусловным злом и только злом. Они принесли всем народам бывшего Советского Союза только бесчисленные страдания. С этим утверждением потомки тех, кто вершил преступления, а таких, естественно, больше чем потомков жертв, всё ещё не все готовы согласиться вопреки очевидным фактам.

Во многих семьях и домах по-прежнему хранят ностальгические воспоминания о «великой идее» и ее воплощении в советской истории. Можно ли избавиться от подобного мировосприятия? Уверен, нет. Как нельзя насильно избавиться от влияния любой другой идеи. Всегда найдутся личности, для которых отвергнутая под внешним давлением идея или учение, будут представляться соблазнительными и передовыми. И это вполне естественно. Философские и социологические труды сторонников коммунистической концепции мирового развития имеют право на существование, как впрочем, и труды авторов, придерживающихся иных теорий и взглядов. В школах и институтах в рамках социальных дисциплин изучаются различные стороны развития человеческого общества, общественной и политической мысли, государств и народов. И поскольку в этом процессе были представлены разнообразные идеи и концепции, то все они должны становиться объектом изучения. Но при этом иллюзию нужно называть иллюзией, утопию – утопией, а человеко-ненавистническую идею и идеологию – человеконенавистнической. Мир, благодаря Нюрнбергу смог придти к общей оценке национал-социалистической идеологии. Увы, в силу как объективных, так и субъективных причин в отношении идеологии, царствовавшей над огромной территорией, которая включала в себя не только СССР, но и многие страны почти на всех континентах мира, такого процесса осознания и осуждения проведено не было, и в обозримом будущем, видимо, не произойдет. Более того, даже в университетах и институтах государств, счастливо избежавших опыта построения «общества всеобщего счастья», данная идеология, которая подается и воспринимается в отрыве от реального подведения итогов ее правоприменительной практики, находит себе новых сторонников, считающей ее вполне привлекательной. Автора этих строк могут обвинить в предвзятости. Но мне кажется, что опыт СССР и многих стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, пытавшихся идти, или шедших по пути, указанному коммунистическими лидерами и идеологами, который стоил этим народам многочисленных жертв, свидетельствует не только об ошибочности, но и о преступном характере этой модели развития. Готово ли мировое сообщество признать это и поставить точку в оценке недавнего прошлого и его последствий? Очевидно, что пока нет. И на постсоветском пространстве надеяться на подобное признание тем более сложно. Но без десоветизации и декоммунизации сознания, общественных ценностей, что предполагает и формирование иного взгляда на историю, будет крайне трудно добиться прогресса в решении гуманитарных проблем, разделяющих сегодня многие постсоветские государства. Такая задача потребует много времени и усилий и при

ее решении надо четко понимать, на каких представлениях и стереотипах базируется этот тип сознания. По моему мнению, таких стереотипов несколько.

Первый состоит в том, что до большевистской революции большинство населения бывшей Российской империи жило плохо. С этим утверждением трудно не согласиться. Однако отсюда вовсе не вытекает, что после революции большинство стало жить хорошо. Сталинская индустриализация и коллективизация стоила стране десятков миллионов жизней. В СССР целые отрасли экономики работали на использовании рабского труда заключенных. По количеству репрессированных, интернированных и сосланных в лагеря людей, сталинский Советский Союз намного превзошел царскую Россию. По размаху и масштабам применения подневольного труда такие ударные «стройки социализма», как Норильский и Магнитогорский металлургические комбинаты, Беломоро-Балтийский канал в царскую эпоху могли сравниться только со строительством Санкт-Петербурга в начале XVIII столетия и железной дороги, связавшей две столицы империи в середине XIX века. Иными словами, практика социалистического эксперимента опровергла тезис официальной советской идеологии о том, будто бы новый общественный строй обеспечил большинству населения несравнимо более высокий уровень жизни, чем при капитализме. И обогнать капитализм не получилось, а то, чего удалось достичь, было достигнуто ценой огромных человеческих жертв.

Второй стереотип состоит в том, что СССР, благодаря преимуществам советского строя, выигрывал войны, в том числе главную, самую разрушительную войну в истории человечества – Великую Отечественную. Да, войны были выиграны, но весь вопрос в цене достигнутых побед. Никогда ни в истории России, да и в истории других стран, не было такого количества граждан переходивших к врагу, воевавших и трудившихся на его стороне, как в годы Великой Отечественной войны. Никогда победитель не платил за свою победу таким несравнимо большим числом человеческих жертв, чем побеждённый. Никогда победа, столь долгожданная и столь высоко оплаченная народом, не влекла за собой продолжение политики уничтожения и унижения народа-победителя. Более того, такая политика была распространена и на народы освобожденных от нацистов государств Центральной и Восточной Европы. Можно дискутировать по цифрам, спорить по частностям, но общие выводы здесь очевидны.

Третий стереотип заключается в том, что одним из важнейших достижений СССР была дружба народов. Союз Советских Социалистических Республик объединял 16, а после 1956 года 15

союзных республик. В состав некоторых из них (России, Азербайджана, Грузии, Узбекистана) входили автономные республики. В РСФСР, Азербайджане и Таджикистане помимо них были еще и автономные области, также образованные по этническому принципу. В составе России для малых народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера были созданы национальные автономные округа. Все народы Советского Союза были равны в правах и, согласно официальной идеологии составляли «новую историческую общность» - «советский народ». При этом в зависимости от их численности разным национальностям предоставлялась государственность различного уровня: наиболее крупным народам («социалистическим нациям») разрешалось создать союзные республики; «народности» имели автономные республики и области, а коренные этносы Сибири и Дальнего Востока и Крайнего Севера - национальные автономные округа. В руководстве страны - в ЦК КПСС, в Правительстве, в Верховном Совете были представлены практически все национальности. Всё это правда. Но Советский Союз был крайне централизованной страной, в которой все вопросы государственной политики решались узким кругом лиц из состава Политбюро ЦК КПСС. Реально ни союзные, ни, тем более, автономные республики, области и национальные округа никогда не имели никакой самостоятельности. Поэтому в случае необходимости, если так решало руководство страны, исходя из своих политических и идеологических целей и представлений, права целых народов грубо нарушались. Так, при И.Сталине, народы и национальности, объявленные врагами «Советской родины» по обвинению в массовом сотрудничестве с нацистскими оккупантами (поволжские немцы, чеченцы, ингуши, калмыки, крымские татары, ингерманландские финны, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, турки-месхетинцы), были высланы в Среднюю Азию и Казахстан. Объектом жестоких репрессий становилась национальная интеллигенция, которую сталинское руководство считало носителем «буржуазно-националистических идей». На самом деле уничтожение национальной интеллигенции предполагало искоренение духовных и культурных традиций разных народов, препятствовавших их превращению в абсолютно управляемую сверху массу. Массовые репрессии, имевшие целью «чистку» народов от «классово враждебных элементов», в первую очередь всегда распространялись на «добровольно» присоединившиеся к СССР территории (республики Балтии, Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию). Достаточно посмотреть на цифры репрессированных в 1939-1940, 1945-1947 годах на присоединенных к Советскому Союзу территориях. Вспоминать об истреблённых по Катынскому делу поляках или готовившемся в начале 50-х годов и чудом не свершившемся массовому переселению евреев на Дальний Восток, наверное, и не стоит, - и так всё слишком очевидно. Когда же

началась горбачевская перестройка, выяснилось, что далеко не все народы хотят оставаться в составе СССР. Другие стали требовать для себя более высокого государственного статуса, явно указывая на то, что на самом деле обделены в правах. Третьи выражали недовольство административно-территориальным делением, которое им было навязано при Советской власти. В результате во многих районах СССР вспыхнули кровавые межнациональные и межэтнические конфликты. Миф о дружбе народов как о фундаменте этого государства рухнул.

Четвёртый стереотип состоит в том, что во времена Советского Союза был достигнут невиданный ранее технический прогресс, хотя, наверно, правильней следовало бы говорить об экономическом прогрессе. Разумеется, не оспорим тот факт, что за 50-70 лет Советской власти в разных регионах страны ударным трудом были построены и пущены в строй тысячи новых предприятий и производств. Однако думаю, что это стало естественным результатом процесса индустриализации, который с большей или меньшей интенсивностью происходил бы и без Советской власти. В этом случае в любом регионе страны возникали и развивались бы, прежде всего, предприятия, соответствующие местным условиям и потребностям. При плановом хозяйстве, господствовавшем во времена СССР, создание того или иного предприятия, прежде всего, обуславливалось политическими или военными задачами. Местные интересы учитывались в последнюю очередь. Именно поэтому многие предприятия появлялись в отдалении от сырьевой базы, без учёта наличия местных кадров, способных работать на данном предприятии. В результате кадры приходилось завозить издалека, что в дальнейшем, особенно в процессе распада СССР, становилось источником конфликтов между «приезжими» и местным населением. Нередко подобные конфликты обретали национальную окраску. Когда социалистическая система рухнула, множество производств оказались оторванными от своей сырьевой базы. Дальнейшая их работа была не рентабельна. На самом деле нерентабельной она была и в советское время, но государственное планирование и острый дефицит товаров в СССР сглаживал этот недостаток. О таких «мелочах», как сохранение окружающей природной среды или комфортность жизни трудящихся, в советские времена предпочитали не думать. Для примера: по первоначальному проекту строительства Магнитогорского металлургического комбината, разработанному иностранными инженерами, планировалось построить город, для которого комбинат был градообразующим, на озерах, в защищённом от розы ветров месте. Однако, поскольку это влекло за собой лишние расходы, город был построен прямо у заводских стен, и в течение 50 лет комбинат методично «накрывал» население дымом труб, содержащим вредные для здоровья людей примеси.

Советская экономика и достигнутый ею технический прогресс были подчинены, прежде всего, военным целям. Даже сугубо гражданские производства, такие как тракторный завод или макаронная фабрика, на практике нередко являлись предприятиями «двойного назначения», выпускавшими одновременно и продукцию военного характера. В результате процесс перехода к рыночной экономике, начавшийся после распада СССР, оказался очень болезненным, поскольку значительная часть экономического советского потенциала в принципе была не реформируемой.

Подчинение военным целям оказывало заметное влияние и на развитие науки и образования. Вузы и исследовательские институты, связанные с подготовкой кадров для военно-промышленного комплекса и разработки новых видов военной техники, оказывались в привилегированном отношении в плане финансирования и условий труда. Наличие военных кафедр стало важным дополнением к высшему образованию.

Во многом, из-за хронической нерентабельности производств, работавших на потребительский рынок, в Советском Союзе так и не удалось реализовать ни один из амбициозных проектов, ориентированных на удовлетворение важнейших социально-экономических интересов трудящихся. Провалилась программа, обещавшая обеспечить каждую семью отдельной квартирой. Так и остался на уровне декларации проект доступного автомобиля, выдвинутый ещё во времена Н.Хрущёва. Огромные затраты, отсутствие конкуренции на рынке и желание государства извлекать из одного изделия максимальную прибыль привели к такой стоимости автомобиля, что средняя семья, должна была, отказывая себе практически во всём, копить на покупку 10 лет. К тому же нужно было искать не вполне законные способы приобретения этого автомобиля, так как в свободной продаже его не было. Такие же проблемы возникали и с приобретением многих других товаров. При этом в разных регионах страны, прежде всего, в тех, которые подверглись насильственной советизации 1939 году и позднее, перед включением в состав СССР действовали успешные капиталистические предприятия, конкурентные на европейском и мировом рынках. На них работали квалифицированные кадры инженеров, техников и рабочих. Увы, в процессе советизации они были частично уничтожены или репрессированы, многие из них бежали за границу. Результатом этого насильственного сокращения населения стала потеря качества продукции, огромная миграция из других республик СССР, что привело к напряженности в отношениях между местными жителями и приезжими работниками. Особенно остро это проявилось в странах Балтии. Таким образом, не следует переоценивать результатов технического прогресса, подъема экономики в Советском

Союзе. Реальный прорыв и крупные научно-технические достижения были осуществлены только в отраслях, так или иначе связанных с обороной. Даже покорение космоса нужно относить к военно-производственным достижениям страны и народа. При всей эйфории, царившей в обществе после запуска первого искусственного спутника Земли и первого пилотируемого полёта в космос, которые способствовали росту международного авторитета страны, обычным гражданам Советского Союза эти достижения ничего не принесли. Всё производство, наука и техника были поставлены на службу Советскому государству, его амбициозным планам мирового лидерства. Интересы же граждан в такой общественно-экономической системе играли подчиненную, второстепенную роль.

Список стереотипов, на которых базируется «неосоветский» по существу тип сознания, можно продолжать, но это едва ли добавит что-то новое к пониманию его природы. После возвращения В.Путина на президентский пост не стоит ожидать перемен в политике России по отношению к другим постсоветским государствам. Возможно, в эту политику будут внесены какие-то незначительные коррективы и новые идеологические акценты, но ее суть не изменится. Воспринимать своих соседей как равных в политическом, международном плане партнёров руководство России не желает, как не желали этого делать и советские лидеры по отношению к «братским социалистическим странам». Любое несогласие, несовпадение интересов в Москве воспринимается болезненно, а нередко расценивается как проявление «анти-российского» политического курса конкретного государства. Для того, чтобы сформировать в российском общественном мнении подобные представления, в государственных СМИ развертываются мощные пропагандистские кампании. И даже если правящие круги и население некоторых постсоветских государств позитивно относятся к развитию сотрудничества с Россией, видя в этом либо гарантии укрепления своей безопасности, либо источник получения экономической помощи, Москве обусловленный такими запросами уровень отношений часто представляется недостаточным. Она начинает пытаться влиять и внутривнутриполитические процессы в этих государствах, давая их правительствам указания и рекомендации, что и как им нужно делать. Вполне объяснимо, что подобные попытки нередко ведут к обратным результатам.

Москва активно поддерживает в постсоветских странах пророссийские группы влияния. Впрочем, когда политики, принадлежащие к этим группам, открыто заявляют об имеющихся у них «эксклюзивных» каналах взаимодействия с Кремлем, как правило, это быстро приводит к снижению их популярности в глазах большинства граждан своих стран.

Во взаимоотношениях с постсоветскими государствами Москва активно разыгрывает так называемую «анти-русскую» карту, эксплуатируя тему нарушений прав русскоязычного населения в тех или иных странах. В ходе таких кампаний с помощью СМИ и связанных с Москвой политиков российскому, да мировому общественному мнению активно внушается идея о будто бы существующей в этих странах ненависти к этническим русским и ко всему русскому, что абсолютно не соответствует действительности. Наиболее жестко подобные кампании проводились в отношении Латвии, Эстонии, Грузии, которые поочередно в российском информационном пространстве изображались чуть ли не как главные враги России. Несуразность подобных обвинений следует хотя бы из того, что численность населения России превышает 140 миллионов человек, а трех отмеченных стран вместе взятых едва ли переваливают за 10 миллионов. Но такое очевидное несоответствие не смущает власть, СМИ и, как следствие, значительную часть населения, которая по-прежнему не ездит дальше своего областного центра и смотрит лишь 1-й и 2-й каналы национального телевидения. Исключением для подобных категорий населения стали организуемые государством поездки молодёжи под знамёнами прокремлевских молодежных движений в столицу, и иногда за рубеж, но назвать их информационно расширяющими кругозор, трудно.

Идеологическое давление на гражданина России усиливается активной пропагандой православной религии, роль, которой в обществе и жизни страны заметно преувеличивается. Такая же тенденция искусственного насаждения религиозности существует и в мусульманских регионах России, но в центре страны, в крупнейших городах ислам в СМИ нередко преподносится негативно. Ситуация усугубляется еще и тем, что при неравном распределении бюджетных средств между «русскими» областями и республиками Северного Кавказа, в обществе усиливается недоверие на межэтнической почве, растет межнациональная напряженность. В такой атмосфере начинают процветать националистические фобии и предрассудки, все большую активность проявляют группы радикальных националистов, выступающие под лозунгами «Россия для русских!». По-видимому, во власти до сих пор есть еще силы, которые были бы не прочь влиять на ситуацию в обществе с помощью манипулирования такими группами. Однако, подобная игра, как показывает опыт истории, опасна не только для ее организаторов, но и для народов, становящихся свидетелями таких манипуляций, поскольку националистические, профашистские группы быстро выходят из-под контроля и превращаются в самостоятельную разрушительную силу. Судя по всему, это стали понимать и в российском руководстве. Проблема, к

сожалению, в том, что «джин национализма» уже «выпущен из бутылки» и зажил своей собственной жизнью.

Можно ли успешно решать гуманитарные проблемы в отношениях между новыми национальными государствами, когда в сознании граждан большинства из этих государств, и, что особенно важно, России, продолжают доминировать «несоветские» установки и стереотипы? Безусловно, да, но нужно быть готовым к долгой кропотливой работе. Что касается России, то здесь необходимо менять не внешние атрибуты ее государственности, а ментальность граждан страны. Обычные для современных обществ понятия, такие как свобода, независимость, терпимость, не являются в России ценностями массового сознания. Для многих ее граждан эти понятия по-прежнему малопонятны и не имеют функционального характера. Информированность большинства населения о происходящих в мире процессах, даже в эпоху мобильной связи и Интернета, оставляет желать лучшего. Несмотря на большое возрастание потока российских граждан, выезжающих за рубеж, их количество немногим больше 20% от общей численности населения страны. Но и эта численность выезжающих достигается главным образом за счёт крупных городов и приграничных регионов. Основной же поток россиян направляется в такие «курортные» страны, такие как Турция, Таиланд, Египет, не являющиеся ни лидерами мирового развития, ни образцами в плане демократических стандартов. Остальные граждане полностью зависимы от СМИ, прежде всего электронных, которые больше занимаются пропагандой, а не информированием населения. Не изменив сознания россиян, их представлений об окружающей реальности, сложно надеяться на позитивные изменения в стране и ее отношении к миру. Россияне остаются заложниками стереотипов и фобий, во многом доставшихся в наследство от прежней эпохи. И чем дальше развитие России будет идти по нынешней, с претензией на самобытность и неповторимость, траектории, тем глубже окажется пропасть непонимания и неприятия между ее гражданами и соседними странами. Свободный обмен в сфере образования, культуры, информации, гуманитарных контактов между гражданами, открытость миру являются залогом преодоления нынешнего разрыва. Для этого необходимы также демифологизация истории, деполитизация культуры и деидеологизация СМИ. Достижению реальных изменений на этих направлениях нужно уделять основное внимание. На это не стоит жалеть средств и времени. Если победит иная ментальность, воспринимающая окружающий мир сквозь бойницы «окруженной крепости», прогресс обойдется несравнимо дороже, и не только России и ее соседям по постсоветскому пространству, но и всему миру.

**ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОЕКТЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРАЗИИ**

Сборник статей

Išleido VšĮ „Geopolitinių studijų centras“,
Vilniaus g. 31/1, Vilnius
Spausdino UAB “Standartų spaustuvė”,
Dariaus ir Girėno g. 39, Vilnius
Tiražas 2000 egz.

**УДК 32(470+571)
Пе27**

ISBN 978-609-95423-1-7

VŠĮ Geopolitinių studijų centras
(Центр Геополитических Исследований)
Vilniaus g. 31/1, Vilnius
www.geopolitika.lt